

НИКИТА СЕМИН
ВИКТОР КОЛЛИНГВУД

ЛЕНЬКА - ГИМНАЗИСТ

Никита Семин

Ленька-гимназист

«Автор»

«Автор»

2026

Семин Н.

Ленька-гимназист / Н. Семин — «Автор», «Автор», 2026

Ленька Брежнев – так меня теперь зовут. Ага, четырежды герой, генсек и т.д. В будущем. А пока – сопливый пацан 12-ти лет в самой гуще гражданской войны. Стартовые условия – как у любого подростка тех лет, и лишь мысль, что настоящему Леониду Ильичу удалось дойти до вершины, греет и не дает сдаться. Но самое главное – не повторить его ошибок на вершине власти... до которой еще нужно добраться!

© Семин Н., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Никита Семин, Виктор Коллингвуд

Ленька-гимназист

ПРОЛОГ

Третьи сутки мы стояли на этом рубеже, вгрызшись в берег безымянной речушки, и третьи сутки земля стонала от разрывов немецких шестидюймовых снарядов. .

— Танки!..

Крик связиста у телефона немедленно потонул в грохоте разрывов. Но слово «танки» - главное в душном августе 41-го года – тут же вызвало переполох в штабном блиндаже Западного фронта. Я оттолкнулся от стола, вышел наверх, на бруствер наблюдательного пункта.

Командующий фронтом, Константин Константинович Рокоссовский, уже был здесь, сосредоточенно вглядываясь через бинокль в горизонт.

— Идут, — произнес он тихо, словно для себя. – Третья атака за сегодня!

Я прильнул к окулярам, наводя резкость на расстилающееся впереди поле. Гул танковых моторов, низкая, глубинная дрожь земли, сотрясаемая движением сотен стальных гусениц, шла снизу, от самых пяток, пробирала до костей, и от нее едва заметно вибрировала линза стереотрубы. Сначала в поле зрения показалось облако песочно-серой пыли, а затем – и приземистые серые коробки.

Утробно урча и лязгая гусеницами, они выползали из-за кромки освещенного утренним солнцем гречишного поля. Десятки стальных коробок, выстроенных необычным боевым порядком - в виде ромба. В центре — более легкие машины, бронетранспортеры и тягачи с десантом, а по флангам — тяжелые, хорошо бронированные Т-III и Т-IV

— Вон какие построения они нам сегодня показывают, — пробормотал я. – Умно, ничего не скажешь!

— Умно бить интереснее, товарищ Главный комиссар, — не поворачивая головы, ответил Рокоссовский. Его взгляд неотрывно был прикован к полю.

Впереди всей этой громады, подпрыгивая на кочках, катился юркий танк-разведчик. Кажется, Т-II, хотя, может быть, «Прага». Он уже вошел в белое, будто присыпанное известью, гречишное поле, проехал двадцать или тридцать метров, и в этот миг из-под его гусеницы вырос огненный цветок. Машину развернуло, и она, задымив, застыла.

Немцы поняли, что наткнулись на мины, и их ромбовидная колонна остановилась. По траншеям пронесся вздох облегчения. Но мы, в окопе у штабного блиндажа, прекрасно понимали — эта остановка лишь пауза в партитуре боя, короткая тишина перед яростным огненным крещендо.

И оно грянуло. Сперва ответили наши 122-х миллиметровые гаубицы с тыловых позиций. Черные столбы разрывов выросли среди замерших танков. Те огрызнулись, посылая трехдюймовые снаряды на наш передний край. И началась тяжелая, методичная артиллерийская перепалка. А потом небо над головой расколол тоскливый, нарастающий вой, и над нами появились две девятки пикировщиков с характерными, прикрытыми обтекателями шасси.

— «Юнкерсы», — выкрикнул кто-то из штабных. – Товарищи командиры, пройдите в убежище!

- Обойдемся, – коротко бросил Рокоссовский.

Я ждал, что они обрушатся на наши головы, начнут вбивать нас в землю, пока саперы врага делают проход. Но пикирующие бомбардировщики один за другим устремлялись к гречишному полю, и прямо перед танковой колонной выросли столбы дыма и земли.

— Что они творят-то? По своим лупят! — удивился кто-то на НП.

Рокоссовский опустил бинокль. В его светлых глазах мелькнул холодный огонек.

— Разминировать. Бомбами, — коротко бросил он начальнику штаба. — Аккуратно работают.

Теперь замысел врага был ясен, как этот безжалостный августовский день. И пока последний «Юнкерс» выходил из пике, Рокоссовский уже отдавал команды. Голос его был ровен, без тени волнения, будто он двигал фигуры на шахматной доске.

— Артиллерии. Перенести огонь вглубь немецкого строя. Бить по тягачам с пехотой! Противотанкистам — бить танки. Не торопиться, подпустить на четыреста. Пехоте. Главная задача — автоматчики. Выбивать их, отрезать от брони!

Он говорил, а я смотрел на поле, где черный ромб дрогнул и снова пополз вперед, через дымящуюся, вспаханную бомбами землю.

То, что развернулось потом, походило скорее на кровавую, тяжелую работу, чем на бой. Я видел, как расчет «сорокапятки», выкатив орудие почти на открытое место, дал три выстрела по головному танку. Трассеры огненными пчелами впивались в броню и отскакивали снопами искр. Приземистый, выкрашенный в «фельдграу» танк упорно полз вперед. Потом он остановился, медленно повернул башню и выстрелил. Орудие вместе с людьми исчезло в огненном облаке.

Но из окопов уже раздавались хлесткие выстрелы противотанковых ружей, в дымном мареве возникали фигуры красноармейцев с бутылками с зажигательной смесью, вязанками гранат. Они пропускали стальные громадины над собой и били в корму, в борта, в гусеницы. Один танк, уже пройдя первую траншею, вдруг вспыхнул от брошенной бутылки, превратился в чадающий факел, но еще несколько десятков метров продолжал упрямо ползти, будто и после смерти он хотел давить и крушить все вокруг.

Грохот спрессовал время. Земля, воздух, небо — все слилось в один ревущий, вибрирующий видеоряд. Я видел в стереотрубу, как наш «двадцать шестой», вылетев из рожи, ударил в борт немецкому танку, и тот, клюнув стволом, замер. Но тут же два других немецких танка открыли ответный огонь, и через мгновение он тоже запылал.

Бой рассыпался на сотни отдельных трагедий и подвигов. Лишь к вечеру все начало стихать. Уцелевшие танки, огрызаясь последними выстрелами, начали медленно пятиться, уползая за горизонт.

Оторвавшись от окуляров, я окинул взглядом поле битвы. На, черном, изрытом поле догорало больше двадцати вражеских машин. Тишину резали лишь треск пламени да далекие стоны. Воздух, пропитанный горькой смесью гари, порохового дыма и поднятой разрывами пыли, дрожал от знойного марева. Бой стих, и лишь редкие взрывы гаубичных снарядов разрывали вечернюю тишину. Наши из-за леса отвечали, и грохот «выходов» живо напомнил мне обстоятельства моего появления в этом мире.

Это было двадцать два года назад. Точно также, сотрясая землю, громыхали орудия, а вражеские армии рвались вглубь нашей страны. Но как же это было давно... Какой длинный путь я прошел за это время!

Глава 1

— БА-АБАХ!!!

Тьма. Коричневая вязкая тьма. Тупая, ломящая боль в груди и свинцовая муть в голове — вот первое, что я ощутил. Пахло чем-то странным — смесью керосина, пыли и каких-то лекарств. Издалека, словно сквозь вату, доносились глухие хлопки выстрелов, похожие на выстрелы, а временами — тяжелый, раскатистый гул. Артиллерия? Выходы или прилеты?

Где я? Кто я? Последнее, что помню — январь две тысячи двадцать пятого. Курская область, окрестности села Погребки. Наша фирма «Сокол-Тех» собрала партию разведывательных дронов и пультов к ним. Мне как ведущему технику-технологу, поручили сопроводить груз, проконтролировать передачу и провести инструктаж для операторов. Рутинная задача, уже не в первый раз... Морпехи, разгрузка из «буханки», и тут — свист, взрыв где-то совсем рядом, острая, огненная боль в голове. Сначала я и не понял, что случилось, но мгновение спустя меня как будто повело куда-то вбок. А потом, еще мгновение — все завертелось перед глазами, как осенние листья от дыхания урагана, затем потемнело, и *все*.

Так, значит, я все же не умер. Наверное, это хорошая новость. Только вот эта боль — тупая, ноющая, засевшая где-то глубоко в груди... Странно. Я ведь точно помню — ударило в голову!

— ШАР-РАХ!

Грохот артиллерийского залпа прозвучал совсем рядом, так что явственно зазвенели оконные стекла. На этот раз — точно «выход». 122 мм или даже больше. Что за чертовщина?

Я что, лежу где-то рядом с артиллерийской позицией?

С трудом разлепил веки. Комнату заливал неяркий, желтоватый свет, дрожащий и пляшущий на дощатых стенах.

Но я дышу. Боль в груди есть, но голова... голова не болит. Странно. Я попробовал пошевелить рукой, чтобы ощупать голову. Ну что сказать? Голова цела. Даже повязки нет! Странно.

И тут совсем рядом раздался тихий женский голос, полный тревоги и облегчения:

— Лёнечка! Очнулся, сынок! Слава тебе Господи!

Голос был незнакомый, слова странные, а вся ситуация — просто бредовой. Это что, меня медсестра, что ли, величает «сынок»?

Я резко сел на кровати, торопливо озираясь по сторонам. Комната, где я лежал, была небольшая, обставлена бедно, но чисто. Деревянная кровать, застеленная лоскутным одеялом. Потемневший от времени стол у окна, под потолком — керосиновая лампа с закопченным стеклом. Гнутый орехового дерева стул. В углу — небольшой комод, а над ним — иконы в простых деревянных окладах. Божья Матерь и Николай Угодник смотрели на меня строго и бесстрастно. На стене висела какая-то одежда — длинная рубаха навывпуск, штаны из грубой ткани. Не моя одежда. Не современная, да и маленькая, как будто на подростка.

Рядом с кроватью на низенькой табуретке сидела женщина. Молодая, лет тридцати с небольшим, с печальным миловидным лицом и темными волосами, собранными в старомодный узел. Одета как-то чудно — темная длинная юбка, какая-то светлая кофта... Всё не по-нашему, не из моего времени!

— Как ты, голубчик? Голова не болит? Ох, напугал ты нас! — она осторожно коснулась моего лба прохладной ладонью, глядя на меня с тревогой и облегчением одновременно.

Лёнечка? Сынок? Мозг лихорадочно заработал. Это какая-то ошибка. Кома? Бред? Галлюцинация перед смертью? Но все было слишком реальным — скрип кровати, запах керосина, теплое прикосновение ее руки к моему лбу.

Голова не болит, болела грудь. Я попытался сесть, и это удалось, хотя тело показалось непривычно легким и слабым. Оглядел себя — ночная рубаша до колен, худые мальчишечьи ноги. Посмотрел на руки — детские ладони с короткими пальцами и изгрызенными ногтями. Такой свою руку я видел лет тридцать назад!

Вот как хотите, а это — не мое тело!

— Где я? — голос сорвался, прозвучал тонко, по-мальчишески.

Не мой голос.

— Дома ты, Лёня, дома. В Каменском. Лежи, лежи, не вставай, — женщина ласково, но настойчиво уложила меня обратно на подушки. Кровать подо мной скрипнула. — Ох, грехи наши тяжкие... Лошадью тебя сшибло, неужто не помнишь? Кавалерист этот, красный... как угорелый несея по улице, а ты, дурачок, под самые копыта и выскочил... Уж думали, не очнешься боле. Почитай, третий час пластом лежишь тут, без памяти!

Лошадь? Красный кавалерист? Каменское? Я лихорадочно пытался сообразить. Красные... Белые... Год какой? Не двадцать пятый, точно. Таковую одежду носили... когда? В начале века? До революции? Или после?

— А... — я попробовал выговорить хоть что-то этим непривычным голосом, — а что... что за шум на улице? Стреляют, будто?

— Ох ты, Господи помилуй... — женщина снова перекрестилась на иконы, лицо ее омрачилось. — Бандиты в город вошли, Лёня. Говорят, «григорьевцы» какие-то. С самого утра почитай пальба не стихает. Цельный эшелон пришел на станцию, ну они с него как горох и посыпались. Страшно, сынок. Шум, гам, стрельба... Сейчас совсем рядом палят, где-то у железной дороги. Ты лежи, сынок, из дому ни ногой, слышь? Отец на заводе, задерживается. Скоро уж должен быть. Ох, дошел бы только без приключений!

— ТР-РАХ!!!

На этот раз грохот был такой силы, что оконное стекло задребезжало, будто в него запустили камнем, а керосиновая лампа под потолком закачалась, отбрасывая на стены пляшущие тени.

— Мама, мама!

Дверь вдруг со стуком распахнулась, и в комнату влетели сначала мальчик лет семи, за ним — девочка года на два постарше.

— Мама, нам страшно! — мальчик буквально заливался слезами.

— Не бойся, Яшенька, не бойся, кровиночка моя. Это не в нас стреляют! — успокаивала его женщина, в то время как девочка, прильнув к ней, всю таращилась на меня.

— А Лёня выздоровеет? — наконец спросила она.

— Непременно, Верочка, непременно Лёня поправится! Ему уже лучше — видишь, в себя пришел! — отвечала ей женщина, а в голосе ее стояли слёзы.

Я между тем рассматривал то свою руку, то этих людей, ведших себя с непосредственностью самых близких родственников, и очень медленно осознавал происходящее. Григорьевцы... Это что-то из Гражданской войны. «Каменское» — не знаю, где это, но, судя по южнорусскому выговору моих «родных и близких», то ли на Донбассе, то ли где-то в Новороссии.

Вспышки памяти из школьных учебников и прочитанных когда-то книг по истории замелькали в голове. Значит, я в прошлом. Но как?

И тут осознание случившегося ударило, как обухом по голове. Я умер там, в 2025-м, там, под этими проклятыми Погребками. А моя душа, мое сознание... переселилось сюда. В тело мальчика по имени Лёня. Бред? Фантастика? Да, я читал такие книги, «попаданцы» всякие... Но чтобы вот так самому?!

Ладно, ладно, спокойствие. Усилием воли я заставил себя принять эту новую реальность, благо, по натуре всегда был человеком уравновешенным. Что ни говори, а технический склад

ума приучил анализировать факты, даже самые невероятные. Факт первый: я жив, хотя должен быть мертв. Факт второй: я в чужом, детском теле. Факт третий: я в прошлом, в каком-то селе или городке Каменское, во время Гражданской войны.

За окном снова загрохотало. Женщина, очевидно являвшаяся моей матерью, вздрогнула.

Вдруг где-то сзади стукнула дверь.

— Отец вернулся! — радостно воскликнула женщина и, торопливо крестясь, опрометью бросилась вон из комнаты. Маленький Яша с ревом последовал за нею; девочка же задержалась у моей кровати.

— Лёнька, ну что, не болит бок-то?

— Грудь болит! — нетвёрдым мальчишеским голосом ответил я.

— Вот ты отчаянный! Стрельба по всем улицам шла, а ты под лошадей кидаешься! — произнесла девочка восхищенно и осуждающе одновременно.

— Ну что, бедовый? Здоров ли? — раздался вдруг хриловатый баритон, и в комнату вошел мужчина в пиджаке и круглой шляпе «котелок». Он был лет сорока с небольшим, высокого роста; лицо усталое, но строгое, с тонкими чертами, прямым носом и аккуратно подстриженными черными усами. Вместе с ним в комнату проник очень знакомый мне по собственному предприятию запах горелого металла и дыма.

Он по-хозяйски сел на край кровати, внимательно, изучающе посмотрел мне в глаза.

— Ну что, Леня, очухался? Мать сказывала, ты под лошадь угодил. Говорю ж — не бегай на улицу, когда такое творится. Как сам-то?

— Ничего, — ответил я, стараясь говорить спокойно и чуть растягивая слова, как говорили здесь. — В груди только саднит.

Лицо мужчины стало строгим.

— Ну-ка покаж! — требовательно произнёс он, откидывая одеяло.

Пришлось задрать рубашку.

— Пройдет! — с облегчением произнёс он. — Синяк знатный, но ничего, до свадьбы заживёт. Но лежать тебе надобно дня три, не меньше.

Он помолчал, достал кисет, свернул сигарку, но закуривать в комнате не стал. Видно было, что чем-то сильно озабочен. Из соседнего помещения слышался гром тарелок и ухватов: мать готовила ужин.

— Непокойно в городе, сынок, — сказал он наконец, тяжело вздохнув. — Совсем житья не стало от этих властей... меняются каждую неделю. Теперь вот григорьевцы... эшелонами прикатили, со стрельбой. Заняли станцию, проспект... На заводе суматоха. Говорят, рабочий отряд, что собрали большевики, с боем ушел плавнями в сторону Тритузной. Сильно побили их там...

— И откуда их только чёрт принёс! — выкрикнула женщина, на секунду оторвавшись от плиты.

— Да это же красные! Кое у кого даже звёзды еще на фуражках остались. Говорят, мол, комиссары их вконец замучили, вот и решили воевать за народную волю. Очень не любят жидов: не успели город занять толком, а уже пошли чёсом, у евреев лавки громят, народ пугают... Разбой один. Я, Наташенька, поверишь ли, едва до дому дошел: два раза останавливали «Куда прешь, еврейская морда?». Крестился, нательный крест показывал — ни в какую! Говорят «Вы нынче хитрые, под православных камуфляж наводите». Уж думал, придётся штаны снимать, причинные места необрезанные показывать!

— БА-БАХХ!!!

Грохот близкого оружейного залпа прервал его речь.

— Отец, да что это все бухает? — торопливо крестясь после выстрела, недоуменно спросила Наталья, заглядывая в комнату через дверной проем.

— Да это наши новые власти на железнодорожную платформу гаубицу поставили, разъезжают туда-сюда и по плавням* шрапнелью палят. Остаток большевиков выкуривают. Чувствую, ночь у нас та еще будет: как стрелять перестанут, пойдут по домам, грабить и евреев искать.

Наталья встала в дверях, уперев руки в боки.

— Отец, когда уж порядок-то будет? Работать надоть, завод стоит... А они все делят чего-то... Конца-краю не видать этой войне.

— Кто знает, Наталья Денисовна, кто знает... Говорят, Добровольческая армия с Дона идёт — с ними, может быть, порядок и будет.

— Ладно, идемте вечерять. Ты уж изголодался наверное, за весь день-то. А ты, Лёня, лежи, я тебе сейчас сюда принесу!

Действительно, мать принесла мне жиденькую кашу в синей эмалированной миске, лёгкую алюминиевую ложку, поставила все на тяжелый коричневый табурет. Я съел всё, почти не чувствуя вкуса. На ночь мать принесла мне ведро, стыдливо накрытое дощечкой, «чтобы тебе, Лёня, не бегать далеко», и притушила лампу. Артиллерийская канонада наконец утихла, лишь редкие винтовочные выстрелы шелкали где-то по окраинам. Яша и сестра Вера тоже пришли спать, устроившись на соседних кроватках. Лёжа в темноте, я с ужасом думал о столь неожиданной перемене в моей судьбе.

Кто я? Николай, техник-технолог производства пультов для управления БПЛА, 1991 года рождения? Что осталось у меня в памяти? Мама, друзья, любовь, жена, две дочки, переезд в Москву, работа на оборонку... Что это теперь? Несбыточное будущее или безвозвратное прошлое? Голова отказывалась понимать происходящее. Но, так или иначе, я жив. Вокруг меня теперь — новая реальность. Новое имя — Лёня. Новый отец, новая мать. А еще брат и сестра, — новый для меня опыт, ведь я был единственным ребенком в семье. Что же, надо как-то выживать в этом безумном вихре Гражданской войны. В этом теле. В этой жизни.

Весь следующий день я провалился в кровати, послушно изображая больного. Грудь еще побаливала при глубоком вдохе, но синяк уже начал менять цвет, а слабость понемногу отступала. Главное, мне отчаянно нужно было время. Время, чтобы переварить случившееся, чтобы привыкнуть к этому чужому телу, к этим чужим мыслям, которые иногда всплывали обрывками, как чужие сны. И, конечно, собрать информацию. Я слушал, впитывая каждое слово, каждый звук этого неведомого мне мира.

Родители — Илья Яковлевич и Наталья Денисовна — разговаривали немного, в основном о бытовых мелочах и тревожных новостях с улицы. Отец, несмотря на опасность и суматоху в городе, с утра ушел на завод. Он был, мастеровым высокой квалификации, дорожил ею и, хотя завод почти не работал, видимо, считал своим долгом быть на рабочем месте. Мать хлопотала по дому, готовила еду из того немногого, что было. Утром — жидкий кулеш, разваренная пшеника на воде, без соли, без масла. В обед — пустые щи из кислой капусты да картошка в мундире. Вечером — снова картошка или лепешки из темной, ржаной муки. Сахара не было вовсе, чай пили пустой.

— На базар бы сходить, да как тут выйдешь, — вздыхала мать, ставя передо мной миску с дымящимся кулешом. — Пальба кругом, да и денег почти не осталось...

Я машинально кивал, а сам осматривался вокруг. Похоже, вся хата наша состояла из трёх комнат — большой кухни с белёной печью, занимавшей половину помещения, нашей «детской» комнаты и спальни родителей. Всё вместе — примерно как двухкомнатная «хрущевка». Водопровода нет. Везде чисто выметено, на окнах с одним стеклом — веселенькие ситцевые занавески. Стены из тесаного бревна, тонкие дощатые перегородки, совершенно не сдерживающие никаких звуков. Электричества нет — везде стоят керосиновые лампы, отбрасывающие на стены дрожащие тени. На стене — «ходики», примитивные механические часы с разрисованным ангелочками циферблатом. Из их корпуса до самого пола свисает тонкая цепочка с

увесистой гирькой; чтобы их завести, надо протянуть цепочку с грузом, чтобы он оказался наверху. Пока гирька спускается вниз, часы ходят, как только упрется в пол — останавливаются.

В остальном местный быт оказался таким же архаичным. Воду носили ведрами с колонки, умывались из рукомойника над помятым медным тазом. Обыденность этого века. Окончательно убедил меня отрывной календарь, висевший на гвоздике у печки на кухне, куда я тихонько вышел, изображая нужду проветриться. Крупные буквы на пожелтевшем листке гласили: «12 Мая 1919 года». Все сходится. Никакого бреда, никакой ошибки. Я здесь. И, видимо, насовсем.

К вечеру следующего дня, когда пальба на улице почти стихла, сменившись лишь редкими одиночными выстрелами и пьяными криками вдалеке, я уже чувствовал себя почти здоровым. Ходил по дому, осваивая новое тело, которое казалось непривычно легким и нескладным. Познакомился поближе с «сестрой» Верой — тихой и скромненькой девчонкой лет десяти, и «братом» Яшей — семилетним ревуном, который то и дело жался к материнской юбке. Полистал лежащие на надкроватной полке учебники. Вот «Элементарная алгебра» Киселева, вот «Сборник задач по геометрии» Рыбкина, учебник русской грамматики, «Курс Географии» Крубера — дореволюционные издания, с «ятами», добротные, но сильно потрепанные — видно, родители купили их с рук. Нда...

Я хотел было взяться за тетради, поглядеть, что они тут проходят, но в дверь снова постучали. Мать открыла на этот раз без опаски, и в комнату ввалилась ватага мальчишек моих лет, запыленных, взъерошенных, с горящими от возбуждения глазами.

— Лёнька! Здоров! — выпалил первый, невысокий, коренастый паренек с вихрастой шевелюрой. — Мы слышали, тебя лошадь сбила! Сильно?

Лёнька... Значит, так тут меня кличут. Ну, понятно, если тебе лет 12-13, трудно рассчитывать на обращение «уважаемый Леонид Иванович!» Милый Леонид Фомич! Или, как там зовут моего нынешнего родителя? Илья? Значит, Леонид Ильич. «Дорогой Леонид Ильич!» Ха-ха-ха!

Я кивнул, стараясь изобразить слабую улыбку.

— Ничего, обошлось. Синяк только.

— А мы, с Гнаткой, думали, ты совсем плох! — вмешался второй, повыше, посветлее, в очках на носу (очки в то время — редкость!). — Говорят, ты без сознания лежал!

— Вчера очухался, — подтвердил я. — А вы чего... по улицам шастаете? Стреляют ведь.

— Теперь уже можно, как коммунистов прогнали. Так комендантский час сразу и отменили. Да уж почти не стреляют, Лёнька! — затараторил Гнатка. — Григорьевцы теперь в городе! Комиссары утекали — аж подмётки сверкали! Коська подтвердит!

— Ты вот лежишь, и не представляешь даже, что творится! — кивнув, перехватил рассказ Коська. — Ужас! У нас на Новых планах, рядом с домом Ароновых... Ты ж помнишь Розу Аронову, дочь аптекаря?

Я неопределенно кивнул. Откуда мне помнить Розу Аронову?

— Так вот! — Гнатка понизил голос до шепота, глаза его испуганно расширились. — Вчера вечером казаки к ним в дом вломились! Говорят, григорьевские... Вытащили на улицу отца ее, мать, братьев... И прямо там, на улице, шашками зарубили! Всех! С криками: «Бей жидов, спасай Россию! Жидовское отродье!». А потом дом их грабить стали... Спирт весь в аптеке, говорят, вылакали, да всё марафет искали! Мы с Волькой и Оськой из-за забора смотрели!

Я сидел и тихо офигевал, чувствуя, как холодеет внутри от этого будничного рассказа об этих зверствах.

Слушавшая это рядом мать в ужасе приложила ладонь ко рту, будто не могла от потрясения вымолвить и слова.

— Гнатка, а Розу... Розу видели? — спросила она первого мальчика.

— Нет, Наталья Денисовна, Розки там не было... Небось, убежала куда, спряталась? — Гнатка поежился. — Жутко, Лёнька... А Костик вон видел, как они управу брали. Расскажи давай, что всё я, да я?

Тот, которого звали Костя, поправил на обгорелом конопатом носу круглые очки и значительно сказал:

— Да, брали вчерась дом Клунникова, там где Совет этот заседал... Эти григорьевские как с поезда соскочили, тотчас стали всех пытаться: где да где, мол, у вас тут Совет чи Ревком, мы щас всех из окон повыкидываем. Ну, сразу набежали, да как давай палить по окнам! Кричат: «Сдавайся, комиссарская сволочь!». Шум, гам, вся площадь в осколках! Оттуда тоже вроде стреляли, но недолго. Потом флаг красный сорвали, свой повесили — желто-голубой с черным...

— А лавку Гинзбурга разгромили! — подхватил третий мальчишка, имени которого я пока не знал. — Тот, что ювелир, торговал на проспекте... Витрины побили, все товары на улицу выкинули, растащили! Самого Гинзбурга не видать было, может, сбежал заранее, умный... А лавки больше нет! Голяк!

Они наперебой делились страшными новостями, увиденным и услышанным. Хаос, насилие, погромы... Обыденность Гражданской войны представляла передо мной во всей своей неприглядности.

— Пойдем, Лёнька, пройдемся? — предложил Гнатка после паузы. — Узнаем, как там остальные наши? Как Козлик Зданович? Как другие ребята с Нижней колонии? Хоть посмотрим, что в городе делается.

Пройтись... Увидеть все своими глазами? Это было рискованно, но и необходимо. Мне нужно было понять, где я, что представляет из себя это Каменское, эта жизнь.

— Пойдемте, — согласился я, вставая из-за стола.

— Куда?! — строго спросила мать, преграждая мне дорогу. — Лежать тебе велено! На улицу — ни ногой! Отец сказал! Слышал, что творится?!

— Мам, ну я осторожно! Мы недалеко! — попытался возразить я.

— Никаких «осторожно»! Сиди дома! — отрезала она тоном, явственно дававшим понять: спорить бесполезно. Друзья разочарованно вздохнули и, пообещав зайти завтра, ушли.

Я проводил их взглядом, а потом решительно направился в свою комнату. Мать, решив, что я смирился, вернулась к своим делам. Я подождал несколько минут, прислушиваясь. Улица за окном казалась притихшей. За стенкой вновь заревел Яшка, мать начала его утешать... Сейчас!

Быстро натянув штаны и рубаху, что висели на стуле, я подошел к окну. Оно выходило на заросший бурьяном переулок. Окно находилось совсем невысоко от земли.

Я осторожно приоткрыл раму. Скрипнула! Я замер. Тихо... Тогда я перекинул одну ногу, потом другую и легко спрыгнул на землю. Момент — и я уже за сараем, крадучись пробираюсь к калитке на улицу. Свобода! Опасная, неизвестная, но такая необходимая сейчас свобода познания нового мира. Друзья, наверное, уже ушли далеко, но я их догоню. Или просто пройду сам. Пора было начинать жить эту новую, чужую, страшную, но такую многообещающую жизнь.

* — плавни — поросшие осокой и тростником топкие берега рек.

Глава 2

Выскользнув за сараем на пыльный, заросший лопухами переулок, я на мгновение замер, оглядываясь по сторонам. Прислушался, не хватились ли меня. Нет, все по-прежнему: из открытого окошка слышался Яшкин рёв, перемежающийся материнскими увещеваниями. На улице тоже было тихо: лишь где-то вдалеке лениво переругивались собаки, да откуда-то сверху, со стороны города, нет-нет да и раздавался одиночный выстрел, пьяный крик или залихватский посвист. Пахло пылью, теплым деревом нагретых солнцем заборов и неизбытым деревенским духом — навозом, дымом печных труб и цветущей акации. Короче, все нормально — побег удался!

Но тот передо мной сразу же встала новая проблема: куда идти? Эти мальчишки, Гнатка и Костик, наверняка уже убежали далеко. Попробовать догнать? Но куда они направились? Где он обычно гулял? Куда бегал с друзьями? В голове было пусто. Я попытался напрячь воображение, вызвать хоть какие-то обрывки воспоминаний этого тела, Лёньки, но память молчала, как партизан на допросе: ни знакомых маршрутов, ни любимых мест. В общем, как не пытался я вызвать в голове хоть какие-то образы зданий, схему расположения местных улиц, ровным счётом ничего у меня не вышло. Ладно, пойдем напрямик, куда глаза глядят. Городок вроде небольшой к тому же топографическим кретинизмом я, вроде бы, никогда не страдал.

Выйдя на середину проулка, я вновь оглянулся. Узкий, стиснутый с двух сторон покосившимися плетнями, усыпанный высохшими коровьими лепешками прогон шел с одной стороны на понижение — и там, вдали виднелась лента широкой реки — а с другой стороны взбиралась по косогору вверх. По левую руку вдали над камышовыми, соломенными и железными крышами приземистых домов возвышались многочисленные кирпичные трубы крупного завода. Мгновение помедлив, я выбрал путь, ведущий в гору, справедливо рассудив, что центр городка находится явно не в реке.

Вскоре я выбрался на проулок пошире, вымощенный рыжим заводским шлаком. Здесь в утопающих в зелени участках стояли домики побогаче: все одинаковые, как один, крытые красным в зеленый цвет фальцевым железом. Удивительно, но тут стали попадаться деревянные столбы с характерными белыми фарфоровыми изоляторами и проводами. На этой улице имелось электричество.

Пыльный переулок привёл меня на железнодорожные пути. Взобравшись на насыпь, я оглянулся и обалдел от открывшегося простора: широченная река, настолько широкая, что противоположный берег едва просматривался в беловатой дымке. Где-то вдали, деловито пыхча черным дымом, по водной глади полз паровой буксир, тащивший длиннющую приземистую баржу.

«Что это? Волга? Днепр? Дон? Нет, Дон я видел — он поуже будет, и берега не такие крутые. Вернее всего — Днепр...»

— Лёнька! Эгегей! — ветер вдруг донёс до меня отдалённый мальчишечий крик.

Повернувшись в сторону, откуда до меня донесся этот зов, я увидел Гнатика и Костю. Они в паре сот метров в стороне что-то делали на железнодорожном пути. Костя, завидев меня, махал рукой.

Махнув ему в ответ, я отправился к ним навстречу.

— Ты шо, сбежал, что ли? — небрежным тоном спросил Гнатик. И, хоть в тоне его слышалось деланное равнодушие, что-то заставило меня понять, что непослушание взрослым здесь — нетривиальный поступок.

— Надоело в хате сидеть! — ответил я, напустив на себя небрежный тон. — Подумаешь, синяк!

— Ну ты отчаянный! — восхитился Костик, поблёскивая стеклами круглых очков. — Не надерет тебя батька-то?

— Мне вроде мамка запретила. Он сам ничего не сказал. Небось не надерет. А вы тут что делаете?

— Та гильзы шукаем. Тут их богато насыпано!

И он показал мне пригоршню блестящих на солнце латунных винтовочных гильз.

— И какой они?

— Да ты што? Этож французские, таких нету ни у кого! В расшибалочку на них сыграем, одна за две пойдёт, а то и за три! Давай, побачь вот в той стороне, еще должны быть!

Справедливо рассудив, что халява — она халява и есть, а с друзьями надо находить общий язык, я прошелся туда-сюда по путям, действительно вскоре заметив между тускло блестящих на солнце рельсов и рядом, в придорожной траве у концов шпал, несколько пузатых, еще пахнувших стрелянным порохом латунных гильз.

— Ну что, больше нету? — подскочил ко мне Игнат. — Жаль, право, жаль! Тут были еще орудийные, здоровые такие — да уж с придорожных домов хозяева все растащили!

— А им-то они зачем? — удивился я еще больше. То, что мальчишки играют с гильзами и даже используют их в своих детских расчётах, еще можно было понять. Но взрослые?

— Та их, кажут, меняют на хлеб, чи на завод можливо сдать! — объяснил Коська.

Мысленно я вздохнул. Гильзы на хлеб... Господи, вот она, реальность Гражданской войны!

— Ну что, мож, купаться пойдём? — предложил Гнатик.

Окунуться в прохладную воду, действительно, очень хотелось. Весеннее солнце припекало вовсю, а одежда моя — не сказать, чтобы сильно летняя: рубашка с длинным рукавом, и полноценные брюки — никаких шортов. Но жгучее любопытство заставило меня отказаться от этой идеи.

— Может, походим туда-сюда по улицам? Посмотрим все, до гимназии дойдём...

— Тю, да на шо нам та гимназия? Она уж третий день закрыта, учителя боятся на службу ходить! — протестовал Коська.

А мне страшно хотелось дойти до гимназии. Рано или поздно ведь придется идти на учёбу, а я даже и не знаю к ней дороги! И вот сейчас можно было бы прогуляться и ненароком выяснить местоположение всех важных для малолетнего пацана в этом городке мест...

— Да хрен бы с учителями. Там могут быть какие ни есть интересности. Может, пушка стоит, может, еще чего! — неуклюже обосновал я свою мысль.

— А что, вдруг там оркестр поставили? — вдруг загорелся Гнатик. — Когда войска в город входят, первым делом завсегда оркестр на площади играет, чтобы повеселее было!

— Ну эт ты хватил! — авторитетно возразил Костя. — Оркестр играет тильки когда армия входит. Вот помнишь, австрияки входили — вот это было да! Чинно-благородно всё. А эти — это и не войска вовсе, а банда. Григорьев-то был красный командир, што перекинувси до белых!

— И вовсе не до белых, а за народ. Бить господ, жидов и большевиков!

— Ну что зря стоим, — перебил я их политический диспут, — пойдём да и посмотрим что к чему. Может, ребя... хлопнув каких знакомых встретим, гильзами похвалимся...

— Оську с Волькой?

— А хоть бы и так!

— Ну пойдём. Только куда? В Верхнюю колонию?

— Ну да, к центру, — неопределенно махнул я рукой, пока не очень понимая, что за такая «верхняя колония» и стоит ли идти именно туда.

— На проспект пойдём! Говорят, там григорьевцы штаб устроили.

И, порешив наконец, куда идти, мы шумной ватагой отправились вверх по улице, взбиравшейся на косогор.

— Как бишь эта улица называется? — небрежно, будто бы невзначай, спросил я у Коськи.

— Банный спуск. Ты шо, не отошов ещё от удара-то?

— Ну так... — пожал я плечами, и решил пока придержать язык за зубами.

Наверху нам стали попадаться всё больше кирпичные, двухэтажные дома. Некоторые, правда, смотрели на мир выбитыми окнами, другие выглядели вполне обжитыми — во дворах висело белье, слышались голоса. Люди на улице встречались разные. Женщины в платках, с усталыми, испуганными лицами, спешили по своим делам, стараясь не поднимать глаз. Мужики в картузах, рабочих пиджаках или просто рубашках навыпуск, шли хмуро, сплевывая под ноги. Но когда мы вышли на самую широкую, идущую параллельно берегу реки улицу, которая, видимо, и была тем самым «Центральным проспектом», обстановка изменилась. Она была шире других, с тротуарами, вымощенными камнем, и более солидными домами. Но и здесь царило запустение — многие витрины были разбиты, валялся мусор, вывески сорваны, а главное, почти не было людей. Причина такого малолюдства выяснилась очень скоро.

Не прошли мы и пары кварталов, как из-за поворота выехали трое конных. Всадники были в разномастной одежде — у одного бурка поверх гимнастерки, у другого — простая крестьянская свитка, у третьего — нечто похожее на офицерский китель, но без погон. На головах — папахи, фуражки без кокард. У первого, в бурке, за пояс был заткнут выдавший виды, с полустёртым воронением наган, у другого за спиной болтался карабин. Красные рожи, глаза мутные — явно под хмельком — и все трое непрерывно лужают семечки.

— А ну, шпана, брысь с дороги! — гаркнул тот, что в бурке, натягивая поводья. Лошадь под ним беспокойно переступила копытами. — Чаво вы тут трётися?

Мальчишки шарахнулись в стороны, готовые броситься врассыпную. Я тоже попятился, стараясь ничем не выдать охватившего меня страха и принять самый беззаботный, невинный вид.

— Хлопцы, ви шо тут робите? — спросил другой, в свитке.

— Та... Та ми гильзи шукаемо! — пискнул Костик

Между тем взгляд всадника в бурке остановился на мне.

— А ты шо за гусь? Сматри, який харный патрубок... тильки чернявый больно. А не жидок ли ты, часом?

Бандит прищурился; в глазах его мелькнуло что-то злое, пьяное и совершенно отмороженное. И сразу же стало отчётливо ясно: горе тому, кто не сумеет убедительно ответить «нет» на этот вопрос.

Сердце ухнуло куда-то к яйцам. Я вспомнил вчерашний рассказ отца: «Крестился, крест нательный показывал — ни в какую!». Однако чубатый подонок ждал уже какого-то ответа.

— Русский я! Православный! — выпалил я, а потом, сам не зная зачем, добавил, вспомнив отцовскую горькую шутку: — Аль мне портки сымать, писюн показывать?

Всадник сначала опешил, а потом вдруг громко заржал, хлопнув себя по ляжке.

— Га-га-га! Слыхал, хлопцы? Портки сымать! От бляха-муха, москалик языкастый! А ну, геть отсэдова, пока нагайки не почаствуав!

Устрашенные, мы юркнули в боковую улочку, и сделали это явно напрасно.

Пройдя буквально сотню шагов, мы услышали вдруг стрельбу и крики.

— Ух ты! Лавку Эрлиха громят! Бакалейщика! — восторженно завопил вдруг Гнатка. — Айда смотреть!

Действительно, целая толпа пьяного, озверевшего быдла окружила угловой дом. Заправляла всем ватага развязных парней в расстегнутых гимнастерках, некоторые с винтовками через плечо или просто с нагайками в руках. Они громко гоготали, задирали прохожих, оста-

навливали подводы. Хозяева жизни, григорьевцы.. Со свистом и гиканьем пара молодцов прикладами выламывали дверь, пока остальные закидывали камнями окна второго этажа. Здесь же кучковался и местный разномастый народ, с явным предвкушением ожидавший разгрома еврейской лавки.

С жалобным звоном на улицу полетели стекла, загремело листовое железо сорванной вывески, и торжествующая толпа хлынула внутрь. Раздался треск разбиваемых дверей и ящиков. Разгоряченная солдатня бросилась выносить коробки с монпансье, бочонки, ящики с консервами; из разорванных мешков сыпалась на землю мука, мятые пачки чая и папирос усеяли улицу.

Вдруг в дверях лавки появилась пара чубатых молодцов, волокущих седовласого старика в ермолке и чёрном лапсердаке. Типически иудейское лицо его было залито кровью. Третий подталкивал прикладом винтовки согнувшуюся в три погибели пожилую женщину. А за ними двое других хохочущих «вояк» вытащили за шиворот кутающуюся в шаль молодую женщину, за юбку которой отчаянно цеплялись двое детей — мальчик лет шести и девочка на год-другой постарше.

Появление хозяев лавки вызвало настоящий взрыв гнева.

— Уу, ворожина лютый! — раздался из толпы голоса. — Всех в свою кабалу взял!

Из толпы вдруг выбежала здоровая тётка в вышитой малороссийской рубашке и паневе. Ее выпуклые черные глаза были люто и решительно устремлены на несчастную семью. Она широко, по-мужски, расставила толстые ноги и погрозила им кулаком.

— А, жидовские морды! — закричала она пронзительным, базарным голосом. — Прятались, да! Думалы, ми не найдемо? Ничего, хлопчики наши родные вас всех переловят! На столбы их, родненькие, ласкаво просимо!

Я как загипнотизированный смотрел на происходящее. Вот сейчас они убьют эту женщину, а пожалуй что и детей... Что делать?! Страх парализовал тело, но одновременно в груди закипала какая-то незнакомая мне, палящая ярость. Я вдруг отчетливо понял, что ненавижу эту гогочащую мразь, ненавижу так, что с удовольствием выкатил бы в переулок «максим» и положил бы их всех на месте.

Но «максима» у меня нет.

И тут женщина, мать этих детей, извернулась с нечеловеческой силой пронзительно закричала что-то на идиш и зубами вцепилась в руку одного из конвоиров.

Тот взвыл, согнулся, выронив нагайку. Второй замахнулся прикладом винтовки. Все буквально на секунду обернулись на шум. И этого оказалось достаточно.

Дети, как затравленные зверьки, метнулись в темный проулок между сараями.

Я — за ними. Костик и Гнашка рванули за мною.

В два счёта мы догнали бегущих детей.

— Падайте! Мертвыми прикньтесь! Быстро! — прошипел я, толкая их на пыльную землю. Оба, в ужасе оглянувшись на меня, безропотно рухнули. Я наклонился и сделал вид, что изо всех сил пинаю их ногами.

В проулок, тяжело дыша и ругаясь, ввалились два григорьевца. Нагаек у них уже не было, зато в руках были винтовки.

— А ну, стой, пацан! Куди жиденят див? — рявкнул один, целясь в меня.

Я выпрямился, пытаюсь казаться старше и злее.

— Дяденьки, а дайте мы сами их замочим! — выплюнул я слова, в отчаянии понимая, что правильная русская речь может возыметь на этих пьяных уродов обратный ожидаемому эффект. — Так сказать, по-нашему, по-народному?

Но на помощь мне пришел Коська.

— Та ось вони! Догнав гаденят! — и презрительно пнул ближайшего ребенка. — Сами нарвались! Шустрые, стерво! Можно, дядьку, я йих сам?.. А то у вас, мабуть, дила поважнише э?

Они недоверчиво переглянулись, посмотрели на дрожавших в пыли детей.

— Тю! Херой! — хмыкнул второй, сплевывая. — Ишь, управился! Та ну йих к бису. Ходимо, Миколо, там роботи повно.

Они опустили винтовки и, махнув рукой, выбрались из проулка.

Я подождал, пока топот их сапог затихнет. Сердце стучало так, что отдавало в ушах.

— Вставайте... — шепнул я детям. — Живо! За мною!

— Лёнька, тикаемо! Зарубають! — откуда ни возьмись рядом материализовался Гнатка, бледный, с перекошенным лицом. Он схватил меня за рукав и потащил за собой в кусты у насыпи.

Мальчик и девочка поднялись, трясаясь как осиновые листочки. Их огромные темные глаза были полны невыразимого ужаса.

— За мною, кажу! Бегом!

И мы побежали. Дворами, переулками, огородами, прячась за сараями и заборами, пока наконец не достигли нашего дома.

Мать встретила нас на пороге. Увидев детей, она все поняла без слов. Лицо ее стало строгим, но в глазах блеснула жалость.

— Лёня! Откуда ты?! Господи, сироты, никак? Бакалейщика дети? Та шо ж це робиться на белом свете... Давайте внутрь, скорее покуда никто не видел! Как звать то вас?

— Дора! — тихонько ответила девочка. — А это мой брат, Наум. Нюся.

Мать впустила нас, заперла дверь на тяжелый засов. Усадила детей на лавку, сунула им по кружке воды и откровенно расплакалась.

— Мама, не плачь! — произнёс я, тихонько трогая ее за плечо и даже не осознавая, как легко и естественно для меня оказалось назвать матерью эту малознакомую мне женщину. — Всё же хорошо, никто нас не преследовал...

— Тебе легко рассуждать, Лёня. А харчей где набрати на таку ораву? И так юшкой пшенной давимся... А отец что скажет? Ох, Лёня, Лёня... Своей головы не жалко, так хоть нас пожалел бы...

Вечером вернулся отец. Заметив чужих детей, нахмурился. Когда мать шепотом рассказала, в чем дело, — побагровел.

— Ах ты ж, паршивец! — рявкнул он, вмиг забыв про усталость. — Головы-то совсем нема?! Ты что тут удумал?

Яшка тут же заревел в углу.

— А ну, говори! А ну как дознаются, что мы жиденят тут прячем?! Ты понимаешь, что любой нас может выдать, ЛЮБОЙ? У нас дети малые! Что мне, всю семью пустить под нож из-за твоего дуроломства?! Вон их! Убирай куда хошь! Сейчас же!

— Да куда же им идти? — голос у меня дрогнул. — Зарубают же! Там всю семью их... при мне... Вот и Коська с Гнашкой видели тоже!

— Молчать! — прикрикнул отец. — Не твоё это дело, малой ище! В политику он полез! Вояка выискался! Вон, я сказал! Веди, куды хошь!

— Некуда им идти! — почти выкрикнул я.

Отец заходил по комнате, зло отдуваясь. Потом резко остановился.

— Не знаю, как. Не знаю куда. Но их тут быть не должно. Прямо сейчас! И ты... и ты — вон! Иди, куды хошь! А до нас не суйся, пока эта сволота в городе!

Я опешил. Он выгонял не только чужих детей, но и меня? В ночь? Под пули?

— Отец! — взмолилась мать. — Та что ж ты баишь?! Лёнька ж хворый еще! Да куды они пойдут?!

— Молчать! — гаркнул Илья Яковлевич. — Не видишь, что может случиться? Узнают *эти*, что жидов прячем — всех порешат! Немедля отсюда всех! Всех троих! А ты, — он обернулся ко мне, багровый, трясущийся от гнева, — другой раз думай, что на себя возлагаешь!

Отец был неумолим. Страх за собственную жизнь и семью оказался сильнее жалости. Делать было нечего: взяв дрожащих детей за руки, я молча пошел к двери. Мать плакала у печки, Яшка ревел, Вера испуганно смотрела на нас.

Мы вышли на темную, безлюдную улицу. Куда идти? Что делать? Я чувствовал себя абсолютно потерянным. Холодный майский ветер пробирал до костей. Дети тихо всхлипывали.

— Лёнька! Пс-с-с! Сюды! — раздался вдруг шепот из-за угла ближайшего дома.

Я вздрогнул. Из тени вынырнула фигура Костика Грушевого.

— Я слышал... Батько твой — того... совсем скаженный — замялся он. — Куды ж вы теперь?

— Не знаю, Костик... — я развел руками.

Косыка задумался, потирая нос.

— Погоди! А я знаю! — Ладно... слухай сюды. Инженер один был на заводе, поляк, пан Колодзейский. Дюже вумный, наверно, умнее всех нас — как тут почалось, так сразу за кордон и утёк. Сейчас то ли во Франции, то ли где... А дача его стоит за Верхней колонией, в Новых планах. Добрая хата, в два этажа, каменная! Батько мой, сам знаешь, он же в заводской конторе сидит, бухгалтером, оттуда и знает... Точно стоит сейчас порожняя!

— Далеко это? — с надеждой спросил я.

— Та ни! Версты три, може. Ходим, я дорогу покажу! Я там раз был, за оградой стоял.

И мы пошли. Костик уверенно вел нас темными улицами, потом огородами, к окраине городка. Мы молча шагали, лишь изредка перешептываясь. Дети немного успокоились, держась за мои руки. Дорога вывела нас в перелесок, через заросшую кустарником балку. Вскоре впереди показался темный силуэт большого каменного дома, обнесенного забором.

— Вот она! — шепнул Костик. — Тут и калитка вроде не заперта... Ну, дальше вы сами. А мне до дому треба, а то батько голову скрутит. Покедова, Лёнька.

Он совсем по-взрослому пожал мне руку и быстро растворился в темноте.

Глава 3

Тьма окутывала нас плотным, почти осязаемым коконом. Полная луна тусклым пятном проглядывала сквозь дымку, редкие звезды мерцали в разрывах облаков, да где-то вдали, за серебрившимся в лунном свете изгибом реки, робко светились огни — может, станция, а может, какой-нибудь хутор на том берегу. Мы стояли перед высоким, темным, усеянным поверху острыми пиками чугунным забором, окружавшим двухэтажный каменный дом пана Колодзейского — последняя надежда на крышу над головой в эту холодную майскую ночь.

Костик, который нас сюда и привел, хоть и старался держаться молодцом, явно нервничал, то и дело озираясь по сторонам. Нюся и Дора заметно дрожали — не то от страха, не то от вечерней прохлады, пробиравшейся сквозь их легкую одежку. Нюся то и дело порывался скулить, но девочка его одёргивала. После всего пережитого за день ужаса дети были похожи на двух испуганных зверьков, потерявших нору. А я... я чувствовал себя странно. С одной стороны — тело двенадцатилетнего Лёньки, уставшее, с ноющим синяком на груди, мучимое холодом и страхом. С другой — сознание взрослого человека, инженера из будущего, который лихорадочно, но холодно и спокойно анализировал ситуацию: *«Все огорожено. Высокий забор, острия поверху, ворота, понятное дело, заперты изнутри. Дети, конечно же, не смогут перелезть это богатство сверху. Выходит, надо поискать дыру или место, где можно подлезть снизу»*.

— Ну все, дальше без меня, — прошептал Коська.

Мы двинулись вдоль забора, шурша прошлогодней листвой и спотыкаясь о невидимые следы деревьев. Забор оказался на удивление прочным — ни дыры, ни щелочки. Судя по всему, инженер Колодзейский, убегая за кордон, успел позаботиться о сохранности своего имущества.

Мы уже почти обошли весь участок вокруг, и начали уже терять надежду, как вдруг я заметил у самой земли темный провал, похожий на свежий подкоп.

— Сюда! — шепнул я, опускаясь на колени. — Похоже, собаки постарались.

Лаз был узким, земляным, пахнущим псиной и сыростью. Придется ползти. Конечно, моё взрослое сознание было против такого унижения, но выбора не было. Жизнь заставит — не так раскорячишься...

— Ну что, Лёнька, не выходит? — вдруг раздался у меня над ухом знакомый голос.

— Тьфу ты, чорт! Напугал! Ты что подкрадываешься? — окрысился я.

— Да вот, передумал! — беззаботно ответил Коська. — Не пойду я сегодня домой, потом скажу, что у Даньки ночевал. Семь бед — один ответ! Ну что, полезли?

— Я первый, — сурово ответил я, стараясь чтобы голос звучал уверенно. — Потом ребят запускать, а сам последним лезь!

Сжав зубы, я сунулся в темное отверстие. Пыль и сухая земля посыпались за шиворот. Протиснувшись наполовину, я вдруг замер. Прямо передо мной, в полумраке цветущего в лунном свете сада, виднелись два желтых огня, и тихое, утреннее рычание нарушило ночную тишину. Собака! Крупная, почти со мной вырастающая, лохматая дворняга стояла в паре шагов, глядя на незваного гостя.

Сердце ухнуло. Сейчас залает — и нам кранты. Прибежит кто-нибудь из григорьевских, увидит «жиденят», и... В голове мелькнуло — отступать поздно, да и некуда. Я замер, стараясь не показывать страха, затем ровно и тихо, максимально дружелюбно проговорил:

— Тише, тише, хороший... Тут все свои! Ты Шарик или Бобик?

Дворняга перестала рычать, наклонила голову набок, разглядывая меня. Потом вдруг вильнула облезлым хвостом и осторожно подошла ближе, касаясь холодным влажным носом мою руку. Отлегло. Домашняя, к людям привыкшая. Наверное, осталась тут после отъезда хозяев, или кто-то ее подкармливает.

— Все нормально, — крикнул я шепотом, ожидая. — Лезьте! Собачка не злая.

Костик пролез следом, позабыв мой наказ, потом мы помогли перепуганным Нюсе и Доре. Девочка, увидев пса, тихо всхлипнула, но тот лишь обнюхал ее и снова завилял хвостом, как бы приветствуя новых постояльцев.

Мы оказались в заросшем, неухоженном саду. Дом темнел впереди массивной громадой. Окна нижних этажей были темны, некоторые — заколочены досками. Подошли к парадному крыльцу. Дверь оказалась крест-накрест заколочена досками. Широкие шляпки гвоздей недвусмысленно подсказывали, что без хорошей монтировки тут попросту нечего делать.

— От же ж... — разочарованно протянул Костик. — И тут заперто. Лёнь, что делать будем?

Я оглядел дом. Взгляд упёрся в окна первых этажей. Все они также, накрест были заколочены досками, но одно, сбоку, забаррикадировали небрежно: промеж досок оставалась дыра. Достаточная, чтобы мы, худенькие подростки, сумели проскользнуть внутрь.

— Через вот это окно полезем, — решил я. — Другого выхода нет.

— Стекло бить? — неуверенно прошептал Костик. — Шуму будет...

— А что делать? Ночевать под забором? Они же замерзнут! Может, никто и не услышит. А если что — скажем, заблудились.

Решиться было трудно. Шум мог привлечь кого угодно — и патруль григорьевцев, и просто любопытных соседей, которые могли донести «куда следует». Но холод пробирал все сильнее, дети дрожали, и перспектива провести ночь под открытым небом пугала еще больше.

— Давай я, — решил взять я ответственность на себя. Нашел на земле камень поувесистей, обмотал рукав рубахи вокруг кусочков, чтобы не порезаться. — Отойдите.

Прицелился в нижний угол рамы и ударил. В ночной тишине раздался оглушительный звон разбитого стекла. Он раскатился по пустому саду, эхом отозвался от стены дома. Мне показалось, что его слышала вся Верхняя колония, а может, и дальше. Мы замерли, прислушиваясь. Тишина. Лишь собака рядом с нами беспокойно заскулила.

— Быстро! — командовал я шепотом.

Осторожно выломал осколки из рамы. Забрался внутрь сам, спрыгнул на пыльный пол темной комнаты. Потом помог забраться Коске и детям.

Внутри пахло запустением — пылью, старым деревом, мышами. Мы стояли в какой-то гостиной, мебель была накрыта белыми чехлами. Она как бы застыла в ожидании призраков хозяев. На сероватом фоне урывочного холста сиротливо темнел телефонный аппарат с боковой ручкой.

— Свет бы запалить... — прошептал Костик, шаря руками по стене в поисках выключателя, но я его остановил.

— Не надо. Увидят с улицы!

И тут снаружи раздался скрип калитки и грубый окрик:

— А кто тут лазить?! А ну, вылазь, бо стреляти буду!

Мы замерли. Снаружи слышались тяжелые шаги, шуршание по кустам. Кто-то шел сюда, к дому, к разбитому окну.

— Сторож! — прошипел Костик, бледнея. — Я же говорил! Тикаем!

Не раздумывая, мы рванули обратно к окну. Первым выскочил Костик, потом я выпихнул Нюсю и Дору, вылез сам. И вовремя. Из-за угла дома показалась сгорбленная фигура старика с ружьем наперевес. Ох ты чорт тебя дери!!!

— Ах вы ж, шмаркачи! — прохрипел он, поднимая ружье. — Щас я вас!

БАХХ!

В ночной тишине оглушительно громыхнул выстрел, вспышка в темноте показалась ослепительной. Что-то хлестко ударило моего товарища на спине, осыпав нас твердыми белыми крупинками.

— Аааай! — взвизгнул Коська и, не разбирая пути, задал стрекача через ночной сад к спасительному лазу.

— Бежим! — крикнул я детям. Уговаривать их не пришлось: они тотчас же кинулись следом за Коськой, только Нюся с ревом, а Дора — стремительно и молча, как ночной нетопырь. Промчавшись сквозь ароматные белоснежные гроздья яблоневых и вишневых цветов, через пару мгновений мы оказались возле лаза под забором. Собака, напуганная выстрелом, куда-то исчезла. Костик уже протиснулся на спасительную улицу, я подгонял детей, затем последним полез под оградой, с ужасом прислушиваясь к треску ветвей — это сторож ломился вслед за нами напролом, не жалея хозяйского сада.

Я уже вылезал с другой стороны ограды, когда в штанину мне вцепились крепкие сухие пальцы.

— Стояв, бисов сын! — рявкнул надо мною старческий голос, и я понял, что опоздал. Стремительно извернувшись, я изо всех сил врезал другой ногой по запястью старика. Раздался треск ткани, и сторож остался с куском моей штанины в руках, а я — с другой стороны забора на свободе.

— Тикаем! — истошно заорал Костик, увидев, что я вырвался, и мы под аккомпанемент ругательств и заливистого свиста сторожа рванули по улице вниз.

Остановились мы только тогда, когда дом Колодзейского пропал из виду за поворотом пустынной дороги. Запыхавшиеся, перепуганные Нюся и Дора, казалось, сейчас упадут в обморок. Нюся снова заплакал, Коська, смешно морщась, тер спину.

— От же ж... старый хрен... — выдохнул он. — Солью... Больно, аж выть тянет! Ну, ничего, вот красные вернутся, тогда побачим еще, что будет с паном Колодзейским и его хатой! Это надо — по людям солью шмалять! Спалить его мало!

Но бравада в его голосе не сильно успокоила наших малолетних подопечных. Вновь мы оказались на улице, в темноте, голодные и без крыши над головой. Что теперь делать? Куда идти? Возвращаться к отцу я не мог. Идти к Костику домой — тоже не вариант, его отец вряд ли обрадуется такой компании, да еще и с еврейскими детьми. Отчаяние подступило ко мне ледяной волной.

— Лёньк, а ведь я знаю! — вдруг хлопнул себя по лбу Костик. Его круглые очки интригуяще блеснули в темноте. — Шалаш! Наш шалаш в плавнях! Помнишь, Лёнька, мы строили в прошлое лето? Там нас точно никто не найдёт!

Шалаш... Сколько не пытался я вызвать воспоминания из жизни прежнего «Лёньки», ничего так и не всплыло. Но ведь это совершенно понятно — подростки обожают устраивать такие нычки, где можно отдохнуть от докучливого родительского контроля и почувствовать себя самостоятельными. Нет ничего удивительного, что Лёнька с друзьями соорудили что-то вроде укрытия в густых зарослях камыша у реки!

Конечно, идея ночевать в плавнях была «так себе» — ночь в низине у реки обещала быть холодной и сырой, но это было лучше, чем ничего. В любом случае, и речи не может идти о том, чтобы бродить по улицам, рискуя нарваться на григорьевцев, или еще кого похуже!

— Ну, пойдём, — сказал я, пытаясь скрыть, что не знаю дорогу. — Мы тут не заблудимся в темноте?

— Тю, да развеж это темно? Луна как лампа светит! — оптимистично откликнулся Коська и, потирая еще болевшее от соли плечо смело зашагал вниз по улице.

Путь показался мне бесконечно-долгим. Шли молча, стараясь держаться темных закоулков. Плавни встретили нас сыростью, густым запахом тины и шелестом камыша. Костик уверенно пробирался по еле заметной тропинке, раздвигая высокие стебли. Вскоре мы вышли на небольшую полянку у самой воды, где под старыми, толстенными вязами и дубами виднелось наше сооружение — неказистый шалашик из камыша, устроенный на каркасе из веток.

Внутри шалашик показался маленьким и тесным. Пахло землёю, прелой травой и тиной. Ночь у реки обещала быть зябкой.

Но хуже всего, что еды у нас не было ни крошки. Впрочем, в темноте мы, конечно же, не сможем найти ничего подходящего. Ладно, утро вечера мудренее!

Мы с Костиком решили шарить по углам в поисках чего-нибудь, что можно было бы сойти за подстилку или одеяло. Нашли старую, жесткую дерюгу, наломали прошлогоднего сухого тростника. Не густо, но хоть что-то. Расстелили это подобие матраса на земляном полу.

— Ложитесь, — сказал я детям. — Теснее друг к другу, так теплее будет.

Мы улеглись все вместе, плечом к плечу, накрывшись найденными тряпками. Нюся и Дора почти сразу затихли, измученные событиями дня, и уснули беспокойным сном. Мы с Костиком еще какое-то время лежали молча, слушая ночные звуки плавней — плеск воды, кваканье лягушек, шелест камыша на ветру. Желудок сводило от голода, холод пробирал до костей сквозь не самую теплую одежду и скудное покрывало.

«Техник-технолог, — горько усмехнулся я про себя, — специалист по БПЛА... Изгнанный из дома, лежишь теперь в камышах, в чужом теле, в чужом времени, голодный, холодный, с двумя не до конца еще спасенными детьми и таким же пацаном рядом... То ли еще будет?».

Мысли путались, усталость брала свое. Несмотря на холод и голод, веки отяжелели. Последнее, что я чувствовал перед тем, как провалиться в тяжелый, тревожный сон — это тихое дыхание угревшихся рядом детей и мерный шелест камыша за хлипкими стенами нашего убогого жилища.

Утро ожидаемо выдалось промозглым и зябким. Днепр подёрнулся туманной дымкой, и утренняя сырость пробралась сквозь одежду и самодельные камышовые стены нашего убежища. Я проснулся от ощущения холода и тихого движения рядом. Дети тоже начали просыпаться.

Поднявшись, пошел размяться и оглядеться по сторонам. Розовый рассвет занимался над широкой рекой. Лучи солнца уже осветили вершину крутого берега, и медленно спускались к кромке воды, у которой притулился устроенный мальчишками шалаш. Неподалеку виднелись следы кострища, несколько рогаток торчали у воды — здесь явно было «рыбное место». Густые кроны раскидистых дубов и вязов, перемежающиеся густыми зарослями ракитника, надежно укрывали это место от посторонних глаз. Даже костёр не будет виден из нашего городка. Наш шалаш можно увидеть только с реки, да и то сильно приглядевшись. Но тут хныканье из шалаша заставило меня вернуться.

Оказалось, спасенные дети проснулись. Наум, или Нюся, как его, видимо, звали дома, мальчик лет пяти или шести, сидел, протирая глаза кулачком. Для здешних мест и обстоятельств его одежда не подходила совершенно. Темно-синий матросский костюмчик, пусть и помятый, испачканная вчерашней пылью и глиной, состоящая из курточки и постоянных штанов. На худеньких ногах — плотные чулки «в рубчик», слегка сползшие, и крепкие кожаные ботиночки на шнурках. Его темные кудрявые волосы растрепались, обрамляя круглое лицо с еще сонными, но уже настороженными глазами.

Его сестра Дора, года на два старше, села рядом, молча оглядывая наше убогое прибежище. Ее платье, некогда бледно-голубое, теперь тоже выглядело жалким, измятым и сильно перепачканным. Одна из двух темных кос растрепалась, и бант болтался на нескольких волосках. На ногах — темные чулки из похожего на шелк материала (кажется, их тут называют «фильдекосовые») и аккуратные ботиночки на пуговках. Смуглое личико хранило следы недавней тревоги, но взгляд был не боязливым и внимательным. Дети выглядели как вырванные из совершенно другой, благополучной жизни.

Проснувшись, Нюся тут же начал канючить:

— Я есть хочу!

Костик заворочался, просыпаясь от этого скулежа и сел, поеживаясь от холода.

— Ладно, не пищи, придумаем что-нибудь! — попытался я успокоить мальчика, хотя у самого в животе вдруг предательски заурчало. Перспектива провести еще один день без еды выглядела удручающе.

— Лёнька! Костик! Вы тут? — раздался снаружи знакомый голос, и Гнашка просунул голову в низкий проем шалаша. — Живы, чтоле? А я сразу дотумкал, что вы здесь!

— А пожрать что-нибудь притаранить ты не дотумкал? — с надеждой спросил я.

Увы, столь высокий уровень аналитического мышления оказался не посилен для подростковых мозгов.

— Так эта, у нас же ловушки на раков расставлены! — вдруг вспомнил Гнашка. — Мы с Волькой вчера на дохлую лягушку пару штук зарядили. Небось налезли уже, сидят, усами шевелят!

— Это точно! Только надо чем-то разжиться, где их варить будем — заметил Костик. — Котелок какой, солидного размера, аль ведро...

— Я схожу, — вызвался Гнатик. — Домой прошмыгну, пока отца нет. Соль найду, спички там были у меня припрятаны, и ведро у мамки стащу — воду кипятить.

— И еще каких припасов трохи раздобудь, — деловито посоветовал Костик, — цибули там, хлеба, или чего еще!

— Сам бы сходил да принес! У меня дома мало что возьмешь, батька злой будет!

— А вот и схожу!

— А вот и сходи!

— А вот и схожу!

— Ладно, ладно! — пресек я разгоравшуюся ссору. — Добудьте что угодно, хоть хлеба, хоть цибули, и удочки еще притащите. Придется нам, чую, крепко подсесть на подножные корма! Ежели что — стащите у кого-нибудь!

— Тю! Да где ж стащить-то, весна ведь, на огородах ни у кого ничего нет! — резонно возразил Коська.

— Ладно, давай, что сможешь то и найди. Только пулей! — приказал я, глядя на хнычущего от голода Нюсю и бледную, печальную Дору.

Как ни странно, друзья беспрекословно меня послушались.

Глава 4

Пришлось ждать. Нюся, весь зареванный, сидел в своем матросском костюмчике, уныло ковыряя палочкой глиняный пол шалаша. Дора, поправляя растрепавшуюся косу с болтающимся бантом, смотрела на вход с напряженным ожиданием, и в глазах ее отражалась вся вековая скорбь еврейского народа.

Ожидание оправдалось шумом и треском в камышах. В проеме норы показался запыхавшийся Гнатка с сияющим лицом и... оцинкованным ведром в руках. Ведро было мокрым, на дне плескалась вода.

— Гляньте, шо я приволок! — объявил гордо, плюхая ведро на земле. — Котелок будет! Ведро оказалось мокрым, на дне плескалась вода.

— Где взял? — подозрительно спросил я, оглядывая ведро.

— Та у мамки своей тиснул! — беззаботно махнул рукой Гнатка. — Она белье стирала, замочила, да отошла к малому... Ну а я, не будь дурак, белье — хрясь на лавку, ведро схватил — и деру! Теперь влетит, конечно, знатно, как пить дать. Но зато у нас теперь котелок есть. Сюда столько раков влезет!

— А спички-то взял?

— А то!

Наличие ведра открывало новые кулинарные горизонты. Я взялся развести костерок, а Гнатка направился на разведку к ближайшей протоке. Вернулся он скоро, с триумфом продемонстрировав мне дюжину крупных болотного цвета раков.

— Гля, Лёнька! Тут их полно! Щас сварим!

Костерок мой как раз разгорелся. Вскоре вода в ведре весело закипела, и брошенные туда раки, как положено, покраснели. Над водой разнёсся вкусный, креветочный запах. Обжигая пальцы, мы выдернули раков из ведра за обламывающиеся усы и принялись уплетать за обе щеки.

— Нюся, Дора, сюда! Мы тут за провиант вам решили. Налетай, мелкота! — позвал Гнатка.

Дети, давно уже наблюдавшие за нашим священнодействием из шалаша, тут же оказались рядом. Маленький Нюся уже готов был вцепиться в еду, как вдруг Дора решительно покачав головой, тихо, наставительным тоном произнесла:

— Нам такое нельзя. Это некошерно. Не смотри туда, Нюта, нам все равно такое нельзя.

— А што им можно, а нам нельзя? — сразу заканючил малыш.

— Ну, потому что мы евреи, а они... Нельзя нам, Нюта.

С досадою я хлопнул себя по лбу рукой. Еврейские законы, етить его налево! Конечно, мне приходилось что-то такое слышать в прошлой жизни, — халяль, кашрут — но здесь, в условиях Гражданской войны и голода, это казалось чем-то нереально-бредовым. Однако Дора была непреклонна. Она сидела молча, бледная от голода, таращила на нас огромными темно-кариыми глазами, наблюдая, как мы расправляемся с раками, но наотрез отказываясь присоединиться. Дрожащий Нюся явно был не прочь полакомиться запрещенкой, но строгой сестры он боялся сильнее, чем голода. Мне было очень неловко есть под ее взглядом, но и отказываться от отличной еды из-за чужих пищевых запретов было бы верхом глупости.

— Дора, — попытался воззвать я к разуму этой юной фанатки кашрута, — ну зачем вам эти проблемы? Ну вот помрете вы с Наумкою с голоду из-за вашего глупого упрямства. И что? Думаешь, ваш Бог сильно обрадуется, когда вы явитесь к нему сильно раньше времени?

— Да еще и неизвестно, есть он или нет! — поддержал меня Гнатик. — Вон, комиссары говорят, ничего нету. А они все, почитай, вашего жидовского племени!

Меня, конечно, немного покорила столь радикальная терминология и крайний атеизм моего друга, совершенно не собиравшегося щадить чьи-то религиозные чувства, но в сложившихся обстоятельствах я счел за благо его поддержать.

— Вот именно, Дора. Представляешь, ты умрешь, а никакого бога и нет. И что же ты будешь делать? Сядешь и задумаешься — «и на кой-чорт, простите, я уморила голодом себя и своего младшего братика, которому жить бы еще и жить?»

Но девочка была непреклонна.

— У нас кашрут, нам нельзя. Пойдём, Ньюта!

И увела брата обратно в шалаш.

И что, позвольте спросить, нам с ними делать?

— Ладно, раки — это баловство, — деловито решил Гнатка, вытирая руки о штаны. — Нам рыбы надо наловить. Много. Чтоб и сейчас поесть было что, и на вечер запастись.

Идея была замечательной. Днепр рядом, места рыбные — чего еще надо? Мы отошли к ближайшим зарослям ивы, споро наломали пуки гибких ивовых прутьев.

— Ну что, Лёнька, будем «морды» плести! — произнёс Игнат, и принялся за дело. Действуя очень споро и умело, он срубил несколько веток потолще, согнул их кольцами, а потом стал ловко оплетать эти кольца самыми тонкими прутьями, образуя конусообразную ловушку.

— Это ты что такое мастрячишь? — не удержался я от вопроса.

— Ты что, Лёнь, совсем уже? Иль тебя как лошадью приложило, так ты совсем уморянулся? Ловушка это, «мережа», ну или «морда» еще называется, — объяснил он, с недоумением глядя на меня. — Рыба туда заходит, а назад выйти не может. Хитрая штука!

Я попробовал помочь ему, но руки, привыкшие к клавиатуре и паяльнику, а не к плетению из прутьев, слушались плохо.

— Что-то толку с тебя как с козла молока! — наконец резюмировал приятель. — Иди лучше червяков накопай и камни найди.

— Какие камни?

— Ну, ты даешь! Да с тобой надобно разговаривать, хорошенько накушавшись гороху! Камни, в «мережи» положить, чтобы их на дно утащило! А то они плавать будут!

— А-а-а!

— Вот тебе и «а-а-а», голова садовая!

— Ладно, не лайся. Где камни тут искать?

— В протоке пошукай, всегда там были, — махнув куда-то в сторону, небрежно кинул приятель.

Действительно, пройдя несколько десятков шагов вдоль берега, я наткнулся на запруженный ручеек. Место, где вода выбивалась из запруды, было размыто, и тут виднелась пара полускрытых прибрежным песком голышей. Разувшись, я залез босиком в еще холодную днепровскую воду и, шлепая по воде, побродил у протоки, нащупав босыми ступнями несколько камушков. Осталось лишь собрать их и вернуться к шалашу.

Тем временем Гнатка соорудил три рыбных ловушки. Нашли несколько крепких палок, заострили их концы и вбили в дно реки недалеко от берега, в густых камышах, привязав к ним эти самые «морды». В одну в качестве приманки положили червяков, в две другие — остатки раковых панцирей.

— Теперь ждать надо, — сказал Гнатка. — А пока давай удочки смастрячим.

Впрочем, тут дело оказалось не столь простым, как можно было бы подумать. С удилами все было несложно: их получили, сломив три достаточно толстых ракитины. Сложнее оказалось с леской.

— Можете выдернуть нитку из моего платья! — вдруг предложила Дора. — А крючок можно сделать из английской булавки! У меня их несколько.

Вскоре мы закинули удочки. Крупная рыба на такую снасть не пошла. Однако рыбная мелочь вполне охотно клевала на мелких красноватых червячков. Вскоре внутри похищенного у Гнаткиной мамани ведра трепыхалось два окуня и с полдюжины плотвичек и красноперок.

Вдруг кусты ракитника зашумели и, поблескивая в лучах солнца стеклами очков, появился донельзя довольный Костик.

— А ну, дивитесь, чего я утырил! Вот, держи!

И царственным жестом бросил нам под ноги...дохлого петуха. За ним из карманов Коськиных штанов появились пара луковиц и небольшой кулёк с солью.

— Ух! Насилу споймав! — Коська был явно доволен собой — Соседский дурень к нам во двор заскочил, а я его — раз палкой! Раз, раз! Теперь у нас жаркое будет! Соседка, конечно, лаяться прибежит, ну а что он на наш двор все шастает? Неча!

— Напорят тебя! — скептически заметил Гнатик.

— Это да. Батька по головке за такое не погладит. Ну да ладно, голод не тетка!

Птица была капитальным подспорьем. Гордый своей удачей Костик тут же взялся за ошипывание трофея.

— Не так! — остановил его неумелые попытки Гнатка. — Его сначала кипятком обдать надо, тогда перья легче пойдут. А потом опалить над огнем, чтобы пушок мелкий убрать. Я видел, как мамка делала.

— И часто вы кур едите? Да вы куркули! — удивился Костик.

Пришлось снова раскошегарить погасший было костер под обрывом и кипятить воду в ведре. Затем Гнатка ловко ошипал петуха, оставив лишь маленький пух, который мы опалили над огнем. Выпотрошил он его тоже сам, умело и быстро, как заправский повар. Внутренности пустили на насадку для рыбы.

Очищенную тушку мы посадили на ровную палку, найденную на берегу, и установили рогатки возле костра, соорудив подобное вертела. Вскоре по плавням потянулся умопомрачительный запах жареного мяса. Мы с Кости́ком и Гнаткой с нетерпением следили, как кожа петуха румянится, старательно следя, чтобы мясо не обуглилось.

— Ну что, готово? — нетерпеливо спросил Гнашка, когда петух основательно прожарился.

Разломали горячую птицу на части. Мы с ребятами набросились на еду, обжигая пальцы и жадно обглаживая кости. Петух оказался жестким, как подметка, но все-таки это было первое настоящее мясо за последние дни. Предложили куски и детям. Дора и Нюся посмотрели на жареную птицу, потом друг на друга, и тихо отказались, отрицательно качая головами. Мы тогда не стали допытываться, уговаривать, чтобы они просто попробовали. Может им нельзя такой грубой еды или еще не отошли от вчерашнего ужаса.

— Ладно, петух — хорошо, но на всех не хватит, да и сосед потом искать будет, — рассудительно сказал Костик, вытирая жирные руки о траву. — Надо рыбой заниматься всерьез.

Пока ели, передохнули от трудов, поэтому и расслаживаться не стали. Снова взялись за дело. Проверили установленные морды — улов был, но небольшой. Решили изготовить еще несколько ловушек по методу Гнатки, который, видимо, оказался нашим главным «интендантом» и знатоком выживания. Пока мы плели новые морды из ивовых прутьев, Гнашка решил попробовать поймать крупную рыбу.

— Тут в яме под корягами точно что-то большое сидит, — заявил он. — Надо донку поставить.

Он достал из кармана моток крепкой бечевки, привязал большой самодельный крюк из гвоздя, насадил на него одну из пойманных ранее мелких плотвичек, прицепил камень в качестве грузила и забросил снасть в самый глубокий омут. Конец бечевы привязал к воткнутой в берег ясеновой палке.

Прошло около часа. Мы как раз устанавливали новые морды, когда палка на берегу резко дернулась и согнулась дугой.

— Ключуло! — заорал Гнашка. — Тяни! Ого, сильное какое!

Мы бросились ему на помощь. Леска натянулась, как струна, уходя в вестибюле. Тащили втроем, упираясь ногами в скользкий берег. Наконец на поверхности показался огромный рыбий хвост, и вскоре мы выволокли на мелководе усатого речного гиганта — сома. Рыбина была добрых полметра длины, судорожно глотала пастью воздух и шевелила усами.

— Вот это зверюга! — восхищенно присвистнул Гнашка, не зная, как подступиться к скользкому трофею. — На неделю хватит!

Мы с трудом выволокли сома подальше от воды. Гордость так и распирала нас: теперь-то мы точно не пропадем!

— Дети, смотрите, какого сома поймали! — позвал Костик.

Нюся и Дора подошли, с любопытством разглядывая огромную рыбу.

— Его тоже нельзя, — наконец произнесла Дора тихо, но твердо.

— Почему это? — удивилась Гнашка. — Рыба же, не рак!

— У него нет чешуи, — объяснила девочка, глядя на нас своими крупными, как маслины, глазами. — А рыбу без чешуи нам есть нельзя. Это некошерное.

Мы снова переглянулись. Вот оно что... Чешуи у сома действительно не было. Очередное правило из их непонятного мира, который в наших обстоятельствах выглядел странным, но спорить мы не стали, памятуя — это бесполезно. Значит, сом — тоже только для нас троих.

Тем временем мы с Гнатином решили приготовить уху из той рыбы, которую наловили в морды — окуней, плотвы, подлещиков. Гнатик взялся за дело всерьез. Он бросил в ведро с водой самую мелкую рыбешку, почищенную, но не потрошеную. Когда она разварилась, он осторожно выловил ее и выбросил, а в кипящий мутноватый бульон опустил рыбу покрупнее. Добавил соль и цибулю. Через некоторое время по плавням поплыл густой, аппетитный запах настоящей ухи.

— Дора! — строго сказал я девочке. — Или вы сейчас едите уху, или я не знаю, чем вы будете харчеваться!

Дело уже к вечеру идет, а они кочевряжатся!

Пока все готовилось, мы уже снова успели проголодаться. Уха получилась наваристой и ароматной. На этот раз Нюся и Дора кушали с аппетитом — чешуйчатая рыба не запрещалась кашрутом.

После позднего обеда или раннего ужина, тут как посмотреть, снова пошел проверять морды. И тут нас ждал настоящий сюрприз! В двух ловушках рыбы набилось столько, что мы еле вытащили их на берег. Окуни, плотва, подлещики, даже пара маленьких линей — казалось, всякая речная мелочь решила посетить наши снасти.

— Ого! — присвистнул Гнашка. — Ход пошел, не иначе!

— Только сохранить надо, — практично заметил Костик. — Пропадет. Надо солить и вялить.

Хоть и умаялись за день, но пропасть улову жадность нам не позволила. Как я понял, для друзей наша вынужденная рыбалка, прятки от григорьевцев и некая «робинзонада» — это целое приключение. Что сказать — они еще дети, да и некий дух свободы охватил нас. Ну и то, что в нас нуждаются Дора с Нюсей тоже давило, а их кашрут — заставлял искать разные виды еды.

Снова закипела работа, и откуда только силы взялись? Мы выпотрошили весь улов, щедро пересыпали рыбу солью. Костик нашел в камышах старую веревку, мы натянули ее между двумя деревьями возле норы и развесили на ней связки подсоленной рыбы — хвостами вверх, чтобы стекала влага.

— Вот, будет вяленая рыба, — удовлетворенно сказал Костик, оглядывая наше рыбное богатство. — Продержимся теперь!

Гнашка тем временем решил снова попробовать счастье с большой рыбой. Он взял самую маленькую крупную плотвичку из улова, насадил ее на свой самодельный крючок и забросил снасть в омут под обрывом. Долго ждать не пришлось. Поплавок из камышинки резко ушел под воду, бечевка натянулась струной.

— Есть! Попалась! — заорал Гнашка, изо всех сил пытаясь удержать удочку. — Ого, здоровая какая! Помогите!

Действительно, в воде яростно билась хвостом какая-то крупная рыбина. Мы с Кости́ком кинулись на помощь. И вскоре, скользя по глине, мы выволокли на берег приличных размеров щуку, злобно извивающуюся на воздухе.

— Вот это да! — восхищенно выдохнул Гнашка, коршуном бросаясь на свою добычу.

— Ее бы закоптить, — мечтательно сказал Костик. — Балык был бы знатный!

— А как? — спросил я.

Костик задумался, оглядываясь.

— Надо мне вырыть на обрыве норку, навряд ли печки. И дымом ее, дымом... Сырыми ветками топить. Мы с батюшкой на рыбалке так много раз делали!

Найти подходящий небольшой обрывчик не составило труда. Мы выкопали в нем небольшую нишу, сверху проделали отверстие для дыма. Получилось нечто вроде примитивной коптильни. Развели внутри небольшой огонек, забросали его сырыми ольховыми ветками и травой. Вскоре из верхнего отверстия повалил густой белый дым. Щуку, выпотрошенную и слегка подсоленную, Гнатик подвесил внутри на палочке. Вход в «печку» прикрыли комьями глины.

— Ну, теперь подождём, — сказал Гнатик. — Может, и получится что.

— Да ты что! Обязательно получится! — обиделся Костик.

Вечерело. Мы сидели у входа в наш шалаш, ставший почти домом. Над головой, на веревках, покачивались связки вяленой рыбы. Неподалеку дымила наша импровизированная коптильня. Дети, согретые и накормленные, под присмотром Гнатика возились с удочками у воды. Я смотрел на приятелей, и странное чувство охватывало меня. Современные мне подростки умеют строить дома и готовить рыбу только в каком-нибудь «Майнкрафте», эти же крепко стоят на ногах. Кажется, закинь их с вертолета в тайгу — они не пропадут, выживут, отмахнутся от волков, убегут от медведя и смогут выйти к людям. И откуда у них столько практических навыков? Может, от отцов, простых работающих русских мужиков; а может быть, сама жизнь в это суровое время научила их быть находчивым. Я же, инженер из будущего, пока мог предложить только свои идеи, которые неспособны воплотить в жизнь мои не слишком умелые руки. Ну ничего, научусь. Иначе в этом мире не выжить.

Окончательно стемнело. Костя и Игнат разошлись по домам, а мы с Нюсей и Дорой снова забрались в шалаш, укрылись дерюгой и остатками простыни. Снаружи доносились обычные звуки реки — шум ветра в ветвях вязов, крик цапли, уханье филина, ночной лягушачий концерт и отдаленные, неясные шумы со стороны города. Дети быстро уснули. Я лежу, прислушиваясь в темноте, тревожусь за будущее и пытаюсь представить какой-то план на завтра. Усталость и напряжение дня брали свое, и я сам не заметил, как начал проваливаться в сон, как вдруг...

Резкая боль и невозможность вздохнуть вырвали меня из дремы. Чья-то сильная, пропахшая махоркой и порохом ладонь намертво зажимала мне рот! Я попытался было дернуться, но рука неизвестного была будто бы выкована из железа. В темноте я различил неясный силуэт человека, склонившегося надо мной, и услышал его напряженный шепот прямо в ухо:

— Тихо, пацан! Не дергайся, а то хуже будет!

Глава 5

Я замер. Холодный, всепроникающий ужас сковал все тело. Жесткая, мозолистая ладонь давила на рот и нос, полностью перекрывая воздух. В слабом предутреннем свете, пробивавшемся сквозь висевшую на входе в шалаш дерюгу, блеснуло лезвие ножа.

Сон как рукой сняло. «Вот и допрыгался ты, „Лёня“, — мелькнула в сознании трусливая мысль. — Верно, кто-то из этих уродов-антисемитов выследил пацанов, когда они сюда таскали харч и шматьё. И неймется же им!»

— Тихо, пацан, — прошипел мужик мне прямо в ухо, низким и глухим голосом. — Без глупостей, понял? Дёрнешься — заколю, как поросё!

Мозг лихорадочно заработал. Кричать? Бесполезно. Здесь, в плавнях, нас никто не слышит, кроме, может быть, его дружков. А если и услышат — кто поможет? Эти григорьевцы, которые сами убивают детей? Запуганные местные обыватели? Нет, кричать — дохлый номер, верная смерть для всех нас!

Я слабо кивнул. Его ладонь немного ослабила хватку, что заставило меня сделать судорожный, хриплый вздох. В ноздри ударил запах махорки и стреляного пороха — точь-в-точь такой же, как на СВО. Некоторые вещи не меняются...

Наконец, нападающий совсем убрал руку и сел рядом, так что я смог его видеть полностью. Нож, однако, он не убрал.

Я мельком посмотрел нападавшего. Одет он был не по-местному: темная, перетянутая солдатским ремнем потертая куртка, похожая на матросский бушлат, но без знаков различия; под ней — выцветшая гимнастерка. За ремень была небрежно заткнута ручная граната, сбоку угадывалась массивная кобура. Маузер? Головного убора не было, что необычно для местных. Лицо обветренное, с резкими чертами, покрытое темной густой щетиной. Глаза смотрели жестко, изучающее. Густые темные волосы спереди сбились в чуб.

Кто он? На бандита непохож — слишком собранный и совершенно трезвый. На григорьевца — тоже. И, удивительное дело, несмотря на то, что наш неожиданный визитер был опасен, как сжатая пружина, удерживающая готовый вызвать выстрел курок, я не почувствовал к нему вражды.

Всё это промелькнуло у меня в голове в долю секунды. Незнакомец не дал долго себя разглядывать.

— Кто таков? — снова прошипел он, обдавая меня запахом дешевого табака. — Что вы тут делаете?

— Лёня я... Из Каменского. Спрятались мы... от погромов... — выдавил я, стараясь чтобы голос не дрожал. — Это дети бакалейщика Эрлиха. Их семью вчера убили.

Незнакомец хмыкнул, и я тут же почувствовал, как спало напряжение.

— Евреи, чтоле?

— Они — да. Я — нет!

— Помогаешь? Ну, это ты молодец! Их сейчас крепко притесняют! — похвалил тот, взглянув на меня с некоторым даже уважением.

— Ладно, вижу, не врешь, — добавил мужик чуть спокойнее, убирая нож за голенище сапога и, обернувшись, тихонько свистнул, задирая висевшую на входе в шалаш дерюгу. За его спиной, в проёме прохода я заметил движение. Там, пригнувшись, стоял еще один человек. В руках у него был карабин. А у кромки воды, едва различимая в предрассветных сумерках, темнела низенькая лодка-плоскодонка.

Так-так. Похоже, это разведчики. Только вот чьи — красные или белые? Судя по тому, что григорьевцы — их враги, а высадились они тайно, скорее всего — красные. В любом случае, врать мне не было смысла. Вряд ли их заинтересует подросток!

— Слушай сюда, Лёнька, — наконец, произнёс первый мужик, доверительно кладя тяжелую руку мне на плечо. — Мы — красные разведчики, из дивизии товарища Пархоменко. И нам нужна твоя помощь. Ты, я вижу, свой паренек, не барчук — из рабочих, а значит, нам с тобою по пути. Опять же, — он снова кивнул на детей, но уже без какой-либо угрозы, — евреев, сам знаешь, мы не трогаем. Наоборот. Когда город возьмем, поможем им родных найти, если остался кто. Но сначала надо его взять!

В этот момент Нюся, разбуженный нашим разговором, сел и, увидя страшного незнакомца, начал скулить. Разведчик резко обернулся к нему.

— Цыц! Сидеть тихо! — коротко рявкнул он.

Мальчик тут же замолчал, заткнув себе рот кулаком.

— Тише, не ори. Этот дядя — хороший! — попытался успокоить я малыша. — Так что нужно делать? — спросил я, старая казаться спокойной.

— Ты парень местный, должен тут все знать. Сбегай-ка в город, незаметно все рассмотри. Узнаешь: что на железнодорожной станции творится? Сколько там григорьевцев, нет ли пушек, где стоят пулеметы. Что в управе, кто там теперь главный? Завод работает или стоит, нет ли там бандюков этих, не оборудуют ли они там позиции. Где у них казармы, как дисциплина... Ну то есть пьяные они или нет? Кто у них главный, где сидит, как выглядит? Понял? Все, что увидишь, запомнишь и вернешься сюда. А мы с напарником тут пока посидим, за малышкой приглядим. Как обернешься — так мы и уйдем. Идет?

Выбора у меня не было.

— Идет, — заметил я.

— То-то же. Ступай. Да смотри, без фокусов. Я тебя, парень, вижу насквозь. Обманешь — пеняй на себя. И про них не забудь, — он снова обращается к дрожащим детям.

— Если приведешь хвост, — вдруг произнёс второй красноармеец, тот что с карабином — мы за здорово живешь не сдадимся. Будет перестрелка. А там как карта ляжет — мальцы эти могут и под пулю подвернуться!

Сердце моё тревожно сжалось. Я понял условия сделки: конечно же, они не собирались убивать детей, но те стали своего рода заложниками. Ну что же, значит, надо мне быть внимательнее.

Не тратя времени зря, я сорвал с веревки пару недосушенных рыбин и, на ходу раздирая их зубами, почти побежал в сторону города.

Тропа петляла, то ныряя в заросли камыша, то взбираясь на заросшие вязами и дубами косогоры. Не прошел я и половины пути, как почти налетел на Костика и Гнатку. Друзья мои, крадучись, шли проведать нашу маленькую коммуну. Гнатка тащил краюху хлеба, у Костика с собою был какой-то мешок.

— Лёнька! Ты куда это чешешь?! — закричал Гнашка. — Нас чуть дома не оставили! Маманя меня за ведро чуть не убила, а батька Костыкин велел по плавням не шастать, ремня обещал! Мы еле ноги унесли!

— А тебя, — подхватил Коська, — второй день с собаками ищут. Батяня твой к нам приходил, меня пытал: где ты да где ты. Насилу отбрехался.

— А ты чего один? — спохватился Гнатка, тревожно оглядываясь. — А малье где? Одних оставил?

Пришлось быстро, шепотом, рассказать им все: про разведчиков, про нож, про заложников, про задание.

— Вот же *****! — выругалась Гнашка. — Значит, штурмовать будут скоро, раз разведку прислали. Опять пальба пойдёт на всю Ивановскую!

— Ну, красные-то лучше, чем эти сволочи! — резонно заметил Коська. — Они буржуям по шапке дали, а то как раньше было: в Верхнюю колонию не ходи, рылом не вышел; начальство

идет — шапку долой, кланяйся; каждое воскресенье — в церковь... Меня в школу-то взяли только после того как красные пришли!

— Ладно, хватит болтать, — прервал я готовый разгореться политический диспут. — Нам надо узнать, что там и как. Пошукать по Каменскому, разведать все, вынюхать. И, это... родным передайте, чтобы из дома не выходили сегодня. Тихо пусть сидят, и пока красные не вернутся, далеко пусть от погребов не отходят. Но только предупредите, чтобы молчали, григорьевцам ни слова! Поняли? А то и им, и нам... и детям... крышка.

— Та понял, дурних нема! — возмутился Костик. — Мой батька сам этих григорьевцев терпеть не может, говорит — бандиты хуже петлюр. Никто ничего не скажет. Все будет пучком!

— Тогда так, — быстро прикинул я, чувствуя, как возвращается взрослая привычка командовать и планировать. — Сейчас разделяемся. Гнатка, ты самый шустрый, дуй к управе и на базарную площадь, посмотри, что там делается. Где стоят пулеметы, где, может баррикады какие устроены, кто там командует, много ли штыков в отрядах. Ты, Коська, сгоняй на завод. Узнай, что там делается, есть ли григорьевцы. Заодно родителей предупредите. А я — на станцию. Встречаемся через час во—он у той старой сарайки на краю города. И осторожнее!

Друзья дружно кивнули и тут же растворились в утреннем тумане, стелившемся над землей. А я, стараясь держаться незаметно, огородами и переулками, начал пробираться к железнодорожной станции. Сердце стучало где-то в горле. Чем ближе я подходил, тем яснее слышались голоса, ржание лошадей, лязг расцепляемых вагонов. Пронзительно закричал паровозный гудок. Осторожно выглянув из-за угла последнего дома перед пристанционной зоной, я замер.

Станция жила своей лихорадочной, тревожной жизнью. На платформе стояло два эшелона — теплушки, несколько открытых платформ. На одной из них, бессмысленно уставившись в небо коротеньким тупым дулом, действительно была установлена пушка. Возле вагонов толпились люди вперемешку: григорьевцы в своих разномастных папахах и свитках, с винтовками и нагайками, какие-то мужики в рабочих кепках, женщины с узлами. Несколько рабочих в затрапезных поддевках грузили на платформы какие-то ящики и мешки, перекликаясь и поминутно матерясь. Меня удивили размеры вагонов: они, во-первых, были деревянные, а во-вторых, — намного меньше привычных нам длинных многоосных вагонов электричек и поездов дальнего следования. В сравнении с железнодорожным транспортом 21 века местные «теплушки» выглядели просто щелястыми деревянными игрушками.

Оглянувшись по сторонам, не привлек ли я чье-то внимание, я принял самый независимый вид и пошел рядом с путями, делая вид, что что-то ищу.

Не успев сделать и нескольких шагов, я услышал пробивающиеся сквозь ругань грузчиков стоны, и несколько секунд спустя передо мною открылось страшное зрелище.

Здесь, на перроне и даже просто на земле рядом с ним, на грязных подстилках лежали раненые. Их было много, очень много — десятки, если не сотни. Вероятно, это были те григорьевцы, которых побили красные в предыдущих боях, пока приближались к Каменскому. Кругом стоял сильный запах крови, грязи и карболки. То и дело слышались вздохи, проклятия, ругань, временами — бредовые выкрики. Между ранеными ходили женщины с ведрами, несколько хмурых мужиков в заляпанных фартуках, видимо, выполнявших роль санитаров. Чуть дальше стояли еще живые и здоровые григорьевцы: расхристанные, в фуражках набекрень, они курили, громко о чем-то трепались, и все, как один, лузгали семечки. Похоже, занимались они этим уже не один час, потому что перрон и пути буквально были осыпаны патиной из подсолнечниковой шелухи. Заметно было, что бандиты бравировали друг перед другом, но на их лицах и в жестах сквозили отчаяние и тревога.

Стараясь не привлекать внимания, я осторожно проскользнул за угол штабеля из каких-то ящиков и окинул из-за него взглядом станционные постройки. Здание станции, из красного бленого кирпича, выглядело вполне капитальным. Окна были заложены мешками с песком, в

проеме дверей я увидел характерный изгиб пулеметного щитка. Так, похоже на станции установлен «Максим». Других пушек, кроме гаубицы на платформе, не было видно. Но тут я заметил другое: в окнах большого здания напротив станции, по всем признакам — паровозного депо, отчетливо виднелись стволы пулеметов — один «Максим», судя по характерному ребристому кожуху, а второй, — более легкий, возможно, Льюис или Шош. И еще один пулемет силуэтом маячил на самом верху возвышающейся над станцией старой кирпичной водонапорной башни. Так-так; пожалуй что это — ключевая огневая точка: оттуда простреливается весь перрон и подходы к станции.

Решив, что увидел достаточно, я уже решил было уходить, как вдруг грозный голос пригвоздил меня к заплыванной щебенке перрона:

— Эй ты, шкет, ты пошто тут трешься?

Стараясь выглядеть максимально невинно и глупо, я обернулся. Ко мне быстрым шагом подходил невысокий красномордый тип с казацкими обвислыми усами, в папаче и грязно-сером френче с желто-сине-черным шевроном. За ним едва поспевал недотепистого вида григорьевец с длинной пехотной винтовкой на ремне.

— Ты хто такий? Шпигун, али шо?

Изю всех сил стараясь выглядеть беззаботным, припомнив весь свой немудреный лексикон слов на суржике, я отвечал:

— Та ни, дяденько, я тильки гильзы шукаю!

— Яки к бису хильзы? — багровея еще сильнее, заорал коротышка. — А ну, Григорчук, хватай шпигуна!

Да ёклмн! Ну чтож такое-то?

Спешно пошарив в карманах, я нащупал пару винтовочных гильз.

— Вот, це таки хильзы нашов! Мабуть, хрэнцускые чи шо...

На секунду грозный начальник заколебался, переводя мутные, с кровавыми прожилками глаза с гильз на мое лицо и обратно, затем решительно махнул рукой с нагайкой:

— Вяжи его, Григорчук, там хлопцы разберуться шо це за птица! Вин може хильзы в карман заховав, штобы шпиговать тут безпечно!

Дело принимало скверный оборот. Попадать в кутузку в мои планы совсем не входило, тем более, что в случае нападения красных на город григорьевцы вполне могли расстрелять всех заключенных.

— Та я ж местный, с Нижней колонии! Батька мой на заводе робит! Пане атаман, пустите меня Христа Ради до хаты!

Но тип во френче был неумолим. Долговязый Григорчук отвечал «слушаюсь, пане сотник» и пихнул меня в бок прикладом, велев: «а ну заховай руки за спину»! Удар отозвался застарелой болью от давнишнего ушиба груди.

Приехали. Твою же мать...

— Лёнька! — вдруг раздался совсем рядом чей-то бас, и тяжелая рука легла мне на плечо. — Ты што тут, бисов сын, телепаешься?

Я обреченно обернулся. Новый персонаж был кряжист и невысок. Обветренное лицо, с глубокими морщинами, в которых навсегда въелась заводская антрацитная пыль, было мне совершенно незнакомо, но почему-то вызвало у меня некие смутные ассоциации. То ли я его уже видел, то ли что...

— Третий день дома тебя нет, мамка вся извелась, а ты тут прохлаждаешься! Ремня давно не получал! Вот приду, поучу тебя, как родителей уважать! — наседав тем временем на меня суровый старик.

— А ты хто такий? — грозным тоном тут же спросил у нового персонажа пан сотник.

— Та я есть рабочий завода, Мазалев моя фамилия! — извиняющимся тоном отвечал ему крепкий старикан. — Приказом пана атамана Григорьева направлен на станцию под погрузку

вагонов. А это наш хлопчик, родной, ни в чем не замешанный, тильки вот совсим от рук отбился!

И тут я понял, кого он мне напоминает. Форма носа, глаза, линия губ — все это напомнило местную мою маманю. Это, к гадалке не ходи, родной мой дед по матери!

Сотник сурово посмотрел на меня, потом на Мазалева, затем снова на меня. И, уж не знаю почему — то ли уловил действительно фамильное сходство, то ли не захотел, чтобы его подняли на смех за арест совершенно невиновного ни в чем малолетнего патрубка — но, вновь махнув нагайкой, раздраженно крикнул:

— Григорчук, гони этого в шею! А ты — обернулся он с Мазалеву — иди разгружай дальше, вантажные работы ищо не кончены!

На том инцидент был исчерпан. Солдат, поминутно сплевывая, подвел меня до окраины станции и напоследок зарядил в спину прикладом, выдав напутствие:

— Пийшов. И шоб духу твиего тут ни было!

Уговаривать меня не пришлось: с места в карьер я припустил в сторону условленного места встречи с друзьями, да так, что только пятки сверкали.

Едва успел я отдышаться, с трудом удерживаясь, чтобы не застонать от боли в груди, как появился сначала Гнатик, а за ним и Коська.

— Ну што там? — набросился на них я.

— Та ничего! — небрежно скривившись, ответил Гнатик. — В управу сейчас мотор приехал, паны какие-то вылезли и уехали. Пулеметов навроде бы немає. Солдат тут и там трошки есть, все или пьяные, или с похмела.

— А на заводе никого! — подтвердил Коська. — Батя сказав, в первый день к нему заявились, потребовали выдать кассу. Ну, он им сейф отворил, да и все. На другой день снова пришли, стали пытаться, нет ли других средств. Батя побожился, что касса — вот она, одна. Есть еще профсоюзная, но ее красные с собой увезли. Ну и все, больше на заводе никто и не появлялся.

— Ладно, все понял. Ну, я побежал.

— А можно мы с тобой? — заискивающим тоном спросил вдруг Гнатик. — Дюже хочется на разведчиков подывиться!

— Ну пойдем, небось не застрелят! — решил я, и мы побежали в плавни.

К моему изумлению, шалаш оказался пуст.

— И где они? — разочарованно протянул Коська, явно начиная считать меня завзятым брехуном.

Но тут из ракитника донесся тихий свист, шелест сухих стеблей, и появился первый красноармеец в тужурке. За ним и второй разведчик с карабином осторожно вышел из кустов, ведя Дору и Нюсю за руки. Я понял — услышав наше приближение по шуму листвы, они решили на всякий случай схорониться в кустах. Лодки тоже нигде не было видно — ее тоже спрятали.

— Ну? Что видел? Говори быстро! — тут же набросились они на меня с расспросами.

Я торопливо пересказал все: про раненых, про эшелон, про пулеметы в депо и, главное, на водонапорной башне, про отсутствие другой артиллерии.

Мужик слушал внимательно, кивая и переглядываясь с красноармейцем с карабином.

— Водонапорка, значит... А где она точно стоит? Сможешь показать?

Он достал из просторной деревянной кобуры, из которой торчала рукоять маузера, многократно сложенную карту — двухверстовку, обернул ее противоположной стороной, послонявил синий химический карандаш:

— Вот пути, — сказал он, проводя черту. — Где башня?

Я взял протянутый мне огрызок карандаша и, как мог, схематично нарисовал расположение станции, депо и башню сбоку чуть от дороги.

— Вот тут, наверху, — ткнул я пальцем в изображение башни.

— Понятно, — сказал разведчик, убирая рисунок в сапог. Он встал. — Молодец, хлопче. Помог Красной Армии!

— Что думаешь? — обернулся он к своему напарнику.

— А что тут думать? — усмехнулся тот. — У григорьевцев любимый ход — въехать в город эшелонам и прямо со станции все и захватить. И они, верно, ждут от нас точно того же. Потому на станции и пушка, и пулеметы, а в городе — особенно-то никого и нет.

— Ну а мы зайдем с другой стороны! — жестко усмехнулся первый. — Ладно, пора нам отчаливать обратно. Давай сюда ялик!

Подтащили лодку, спрятанную в кустах,. Гнатики и Коська удостоились возможности помочь разведчикам спустить ее на воду.

— Ты, — обернулся ко мне матрос, — как наши войдут, найди меня в управе. Моя фамилия — Полевой. Нам такие ребята нужны. Борьба за освобождение мира от власти капитала только лишь начинается! Но пока сидите тут тихо, дожидитесь окончания боя. Скоро все кончится.

Они быстро вскочили в лодку, взялись за весла, и вскоре скрылись из глаз за пеленой камыша и рогоза.

Я перевел дух. Всё кончено? Но отдаленные звуки выстрелов недвусмысленно намекали, что мы все еще были в опасности.

Не прошло и часа, как до нас донеслись звуки боя. Сначала — частая, захлебывающаяся винтовочная стрельба со стороны города. Потом к ней присоединились редкие, но мощные удары — кажется, заработала та самая пушка с платформы. Через несколько минут послышался характерный, ни с чем несравнимый треск — та-та-та-та! Заработали пулеметы, много пулеметов с разных сторон. Где-то совсем рядом, у реки, тоже завязалась перестрелка.

Нюся и Дора заплакали. Я обнял их, пытаюсь успокоить, но и мое сердце бешено колотилось. Красные начали штурм. Прямо сейчас решалась судьба Каменского.

И наша судьба тоже.

Глава 6

Грохот боя нарастал. Даже здесь, в плавнях, ощущался его яростный накал. Частая трескотня винтовок сливалась с заливистыми очередями пулеметов, которые, казалось, остервенело били со всех сторон. Где-то в районе станции тяжело ухала 122-х миллиметровая гаубица григорьевцев, красные ей отвечали не так мощно, но часто — видимо, у них были трехдюймовки. Даже в плавнях шум боя поражал воображение — представляю, что творилось в городе! Нюся и Дора, дрожа от ужаса, забились в самый дальний угол шалаша, закрыв уши руками. Я сидел рядом, мысли лихорадочно метались. Как там дома? Где сейчас отец, мать, Вера, Яша? Успел ли отец вернуться с завода? Догадались ли они укрыться в погребе? А дед Мазалёв? Он-то наверняка был там, на станции, в самой гуще этого пекла, а я даже не мог предупредить его. Что с ним теперь случилось?

Вдруг в проеме шалаша показались взъерошенные головы моих приятелей. Они, видимо, проводили разведчиков и не стали возвращаться домой, возбужденно вслушиваясь в звуки боя.

— Лёнька, слышишь, как лупят?! — глаза Гнатки горели диким огнем. — Вот это пальба! Пошли подивимся! Хоть одним глазком!

— Ты с ума сошел?! — прошипел я. — Там стреляют! Пропадёшь ни за что, пристрелят, как куропатку! Опять же, этих, — я кивнул на тревожно вслушивавшихся в звуки боя еврейских детишек, — на кого нам оставить?

— Та ладно тебе! Мы ж осторожно! С бугра одним глазком глянем, и назад! — Костик, обычно более рассудительный, тоже поддался азарту. — Там же наши! Красные григорьевцев бьют!

— Нечего там смотреть! Как настоящий бой начнется — там головы не подымеешь! — попытался воззвать я к их разуму, но тщетно.

— Ааа, боишься просто! — презрительно скривился Гнашка. — Слабо тебе с нами пойти! Ладно, пошли, Костька, без него!

И, не слушая моих возражений, они выскочили из шалашика и скрылись в шуршащих камышах, стремясь по тропинке в сторону города. Я остался один с перепуганными детьми, слушая грохот боя и проклиная мальчишеское безрассудство.

Бой продолжался еще, казалось, целую вечность. То затихая, то вспыхивая с новой силой в разных концах Каменского. Потом стрельба стала реже, глуше и, наконец, часа через два после бегства моих друзей, почти совсем стихла. Лишь изредка где-то вдалеке щелкал одиночный выстрел.

Тишина давила на уши после недавнего грохота. Я выждал минут десять, сердце колотилось от тревоги — что с Костиком и Гнаткой? Не попали под шальную пулю? Не выдержав неизвестности, я решился.

— Сидите тут тихо, как мышки! — приказал я Нюсе и Доре, указывая на остатки вяленой рыбы. — Погрызите пока тараньку. Я быстро, узнаю, что там, и вернусь. Никуда не выходить, никому не показываться! Поняли?

Дети испуганно кивнули. Я выбрался из норы и осторожно двинулся к городу.

На окраинах было подозрительно тихо, только сторожевые псы во дворах бесновались, срываясь с цепей, и злобно брехали на всех проходящих. Из-за занавесок в окнах домов тихонько выглядывали настороженные лица. Люди боялись выходить. Не доходя до нашего переулочка, я все же не удержался и свернул к дому — узнать, все ли в порядке с родными.

Заскочил во двор — мать возилась у сарая, увидев меня, всплеснула руками, но тут же из хаты выскочил отец. Лицо его было перекошено от ярости.

— Ах ты, паршивец! Вернулся?! — Он схватил меня за ухо так, что в глазах потемнело, и потащил к дому, на ходу расстегивая поясной ремень. — Совести у тебя совсем нет! Мать вся извелась! Кругом пальба. А тебя нет! Ты где шляется?!

— Пусти! Больно! — я извернулся, пытаюсь вырваться. — Ты же сам меня выгнал! Сказал — убирайся!

— Я сказал?! Да я тебе сейчас!

И отец замахнулся на меня кулаком.

Но я был проворнее: вырвавшись из его хватки, отскочил к калитке и бросился бежать прочь по улице, слыша за спиной его яростный крик:

— Можешь совсем не возвращаться, щенок!

Ухо горело огнём и стремительно распухало. Сердце бешено колотилось — от обиды, несправедливости и боли. Он выгнал меня, а теперь обвиняет... Куда мне идти? Где живут Костик и Гнатка, я толком не знал — наши пути обычно сходились где-то на улице. Решил идти к центру, к «проспекту», может, встречу их там.

Центральные улицы уже жили другой жизнью. То тут, то там встречались группы вооруженных людей в потертых гимнастерках и бушлатах, некоторые — с красными повязками на рукавах. Красноармейцы. Они деловито рассылали патрули по два-три человека. Патрули решительно заходили во дворы, стучали прикладами в двери, вытаскивали перепуганных жителей, допрашивали их. Впрочем, понять суть происходящего было несложно: наверняка они искали спрятавшихся григорьевцев. Ну то есть в Каменском сейчас происходило то, что через 100 лет назовут коротким и емким словом «зачистка».

В одном месте я стал свидетелем короткой, но яростной перестрелки. Патруль наткнулся на затаившегося за сараем григорьевца. Тот отчаянно отстреливался из нагана. Пули засвистели совсем рядом, одна чиркнула по стене буквально в шаге от меня, осыпав кирпичной крошкой. Я плашмя рухнул на землю, вжимаясь в пыль, пока все не стихло. Бандит, отстреляв барабан, сбежал; красноармейцы бросились за ним.

Стараясь держаться подальше от таких сцен, я направился к зданию городской управы, которое виднелось в конце проспекта. И тут, почти сразу нос к носу столкнулся с Гнаткой. Вид у него был потрепанный, лицо бледное, правая рука неестественно висела вдоль тела, поддерживаемая левой.

— Гнашка! Ты живой! А где Костик? Что с тобой?

— Лёнька! — он поморщился от боли. — Попали мы... Григорьевцы отступали, а мы на них напали у рынка... Хотели за нами укрыться... Я вырвался, а Костик... не знаю, он в другую сторону побежал... Мне руку вроде вывихнули, гады!

— Я же говорил — не лезьте! — не удержался я от нравоучений

— Та ну тебя! — зло огрызнулся Гнашка. — Зато я видел все! А не сидел в плавнях, как ты! Мне вон патруль красный сказал — иди к больнице, там раненым помогают. Пойду, может, руку вправят...

И он, хромя и морщась, побрел куда-то по дороге, оставив меня одного посреди улицы, полной победивших красноармейцев, битого стекла и других следов недавней бойни. На мой запоздалый вопрос, где же все-таки Костик, он лишь неопределенно махнул здоровой рукой куда-то в сторону железной дороги, мол, ищи сам.

Делать нечего. Я пошел в указанном направлении, внимательно оглядывая улицы. Следы недавнего боя были повсюду: разбитые окна, воронки от снарядов, брошенное оружие, а главное — тела убитых, которые еще не успели убрать.

Вскоре, несмотря на то и дело вспыхивающую на улицах пальбу, я все же добрался до станции. Хотелось узнать, что случилось с дедом Мазалёвым, да и вообще — здесь явно был центр недавнего боя.

Страшная картина открылась передо мною. Пути и площадка перед станцией были усеяны трупами вперемешку — григорьевцы, красноармейцы, имелось и несколько гражданских, попавших под раздачу. Из двух окон станции вырывался густой светлый дым, угол здания был поврежден снарядами. Водонапорная башня была пробита в нескольких местах, и потоки воды водопадом хлестали сквозь проломы в кирпиче. Воздух был тяжелым от запаха крови и пороховой гари. Санитары, теперь уже с красными повязками, споро убирали убитых, оттаскивали в сторону стонущих раненых, грузили их на подводы. На меня, мечущегося по перрону, шикнули несколько раз:

— А ну, малец, не мешайся под ногами! Брысь отсюда!

— У меня тут дед работал! Грузчиком! Не видели его? — попытался спросить я у одного из санитаров.

— Дед? — тот не глядя отмахнулся от меня как он назойливой мухи. — Всех потом отыщешь. Не до тебя сейчас! Иди отсюда, пока цел!

Поняв, что здесь я ничего не добьюсь, я отошел в сторону. Дед... Жив ли он? И где может быть этот Полевой? Он обещал помочь. Надо бы показаться ему на глаза, напомнить, что я выполнил их задание, рискуя собственной шкурой. Может быть, он сейчас в управе — там обычно устраивают свой центр власти победители?

И тут я увидел Костика. Он, поблескивая своими кругленькими очечками, крутился около красноармейцев, деловито стаскивавших с путей в общую кучу тела убитых григорьевцев. Увидев меня, он ничуть не смутился, а наоборот, приветливо махнул рукой:

— Лёнька! А я уж думал, где ты! Иди сюда, дело есть!

Я подошел. Зрелище было не из приятных, но после всего увиденного за последние дни я, кажется, уже начал привыкать к ужасам войны. Красноармейцы понесли очередную жертву боя, а мы с Коськой встали возле трупа молодого парня с пустыми, невидящими глазами, уставившимися в небо.

— Ух, и страху я натерпелся! — возбужденно затарабанил Костик, пока мы тащили свою ношу. — Как рванули мы с Гнаткой, так почти сразу на патруль ихний нарвались! Мы — в рассыпную! Я — в какой-то двор, там сараи, дрова... Забился под поленницу, сижу, не дышу! А они рядом ходят, шарят! Потом стрельба началась, пули над головой — вжик, вжик! Думал, все, конец! Ты прав был, Лёнька, зря мы полезли... Гнатку потом видел? Живой?

Я коротко рассказал про встречу с Игнатом и его ранение. Костик сочувственно покачал головой, но тут же снова загорелся:

— А я потом, как стрельба поутихла, вылез! Вижу — наши бегут! С красными звездами! Кричат: «Ура! Смерть бандитам!». Я им кричу: «Тут я! Свои!». Они сначала ружье наставили, а потом один говорит: «А ну, хлопец, помогай порядок наводить!». Вот, помогаю...

Я недоуменно осмотрелся по сторонам, пытаюсь понять, что Коська подразумевает под словами «наводить порядок»

— Слышь, Лёнь, — зашептал приятель, подмигивая и изображая на лице многозначительные гримасы, — тут ежели в карманах у убитых пошарить, можно всякого найти! Я вот портсигар подрезал. Серебряный! Вон того пойдём, обшмонаем! — и Коська кивнул на лежавшее в стороне тело.

Подойдя к нему, я обомлел: это был тот самый вислоусый «пан сотник». Только по этим усам я его и узнал: некогда красное как редис лицо его было теперь покрыто восковой бледностью, мутные глаза закатились. Папаха с желто-сине-черной ленточкой валялась в станционной пыли, обнажая плешивую голову.

— Ось куда ему влетело! — гордо указал Коська на пулевое отверстие в виске. — Красные тут их просто порубили в капусту. Подогнали по путям бронепоезд, а спереди подцепили теплушку, заваленную мешками с песком. Эти стали из гаубицы шмалять, да бестолку — не смогли пробить. И тут наши Верхнюю колонию взяли, да с косогора трехдюймовки спустили,

и как пошли шмалять — григорьевские-то и ну тикать, кто куды! Вишь, станция по сю пору горит?

Тут только я осознал, сколь сильно помогли мои сведения наступавшей Красной армии.

— И где тот бронепоезд?

— Поихав дальше, громить врага. Им тут застаиваться некогда! Ладно, — продолжил Коська, — давай смотри шо у него в карманах. И сапоги можно стащить, покуда никто не видит.

Брезгуя залезать прямо в карманы, мы похлопали снаружи по бокам и груди «пана сотника». В одном нагрудном кармане оказалась жестяная фляжка.

— Тю! Горилка! — понюхав, сообщил Коська. — Ладно, заховай куда-нибудь себе, небось пригодится.

В другом нагрудном кармане обнаружится туго набитый портмоне.

— Так... Керенки... Советские карбованци... Ух ты, а это шо? — удивился Коська, извлекая из потайного отделения синие бумажки с надписью DIX FRANCS и портретом какой-то тетки в античном шлеме.

— Это франки. Французские деньги, — догадался я.

— Тю, небось, в Одессе у кого-то спер. Вот гад! — резюмировал Коська, деловито отправляя бумажник за пазуху. — Ладно, давай посмотрим шо у него в боковых карманАх!

— Ты сымай пока сапоги, а я гляну! — предложил было я.

— А што вдруг я сымать сапоги? Я те лакей, шоли?

— Ага, ты вон нагрудные сам смотрел, так мне бутылку жестяную, а лопатник с деньгОй себе заховал!

— Ну ты, Лёньк, обиделся, чи шо? Поделим деньги, не гомони!

— Ну так бы сразу. Сымай сапоги, а я карманы почищу!

Недовольный Костик стал пыхтеть с сапогами, а я взялся за брючные карманы сотника. И в первом же нащупался твердый угловатый предмет. Портсигар, что ли...

Но нет, это был не портсигар! Секунду спустя мои пальцы вытащили из кармана погибшего небольшой, но увесистый пистолет с характерным, будто бы сдвоенным стволом. Браунинг.

Я торопливо оглянулся по сторонам. Вроде бы меня никто не видел; приятель сопел над запыленным хромовым сапогом, с огромным трудом стаскивая его с ноги покойника.

Торопливо похлопав по другому карману (там сиротливо брякнула какая-то мелочь) я бросился помогать Коське. Совместными усилиями мы освободили его от совершенно лишнего покойнику имущества, как вдруг...

— Эй, вы! — вдруг раздался зычный крик красноармейца. — Куда сапоги волочете!

— Тикаем! — в ужасе заорал Коська, и мы что есть сил бросились по улице вверх. Сзади нас прогрехотал выстрел, но, видимо, красные бойцы палили вверх, надеясь тем самым остановить нас. Наивные... Мы неслись быстрее ветра; пистолет колотил мне по ноге, снова разболелась грудь.

Пробежав пару улиц, мы, задыхаясь, повалились в пыльные лопухи.

— Сапоги не бросил? — сурово спросил я.

— Та ни. Ты шо, им цены нет! Почти не ношены, хромовы, со скрыпом... А ты шо-нибудь в карманах нашел?

— Да не, — подумав, ответил я. Коська с подозрением посмотрел на меня, но ничего не сказал.

— Ну что, куда теперь?

— Мне бы того разведчика найти, который главный был. Он матрос, кажется. Полевым назвался. В управу надо идти, там штаб ихний теперь, наверняка.

— Ни, штаб у их прямо в поезде, что на путях стояв. А в управе буде Совет, да комендатура — как прежде было.

— Ну пойдём туда!

— С сапогами? Давай дойдём до нас, все заховаем да и пойдём налегке.

Дом Коськи оказался невдалеке. Он стоял на косогоре, выходя окнами прямо на станцию, укрытый кустами сирени и акации. Забежав в калитку, приятель скинул отягощавший наши руки и совести груз, и мы направились к зданию управы.

Чем ближе мы подходили, тем больше становилось народу. На площади перед двухэтажным зданием, с которого уже сорвали григорьевский флаг, собралась толпа — рабочие с завода, местные жители, женщины, дети. Все с тревогой и любопытством смотрели на крыльцо, где стояло несколько человек в кожаных куртках и военных френчах.

У одного из красноармейцев, стоявших в оцеплении, я спросил:

— Товарищ боец, а где тут товарища Полевого найти? Матрос он, кажется.

— Полевой? — переспросил тот. — Он в штабе, наверное. А ты кто такой будешь?

— Да мы... помогали тут...

Не успел я договорить, как раздался характерный звук низкооборотистого бензинового мотора, и на площадь перед управой выехал древний, раритетного вида автомобиль с открытым верхом. Выхлопная труба автомобиля изрыгала густые клубы сизого, издававшего странный запах дыма. Авто было буквально забито людьми: один из них, высокий, энергичный человек в добротной хромовой тужурке зато с заливчатскими усами, встал и поднял руку, призывая к тишине. У красных, не имевших никаких знаков различия, трудно разобрать, кто есть кто, но почему-то я сразу понял, что этот — важная птица. Толпа замерла.

— Товарищ Пархоменко! Командир дивизии! — пронесся восторженный шепот.

— Товарищи! — зычно начал он, с ликующим видом взирая на собравшихся на площади людей. — Контрреволюционный мятеж атамана Григорьева, приведший к власти бандитов и погромщиков, подавлен Рабоче-Крестьянской Красной Армией! В городе Каменское восстановлена Советская власть! — по толпе пронесся одобрителный гул, хотя многие лица оставались настороженными. — Комендантом города и начальником гарнизона назначается товарищ Костенко! — выступавший, указав на сидевшего рядом с ним худощавого командира, выдержал паузу. — Но расслабляться некогда! Предательское выступление Григорьева сделало в нашей обороне заметную кровотокающую брешь, открыло белогвардейским бандам Деникина и иностранным интервентам путь на Украину! Они уже начали наступление с юга! Ваша задача — организовать оборону города, превратить Каменское в неприступную крепость! Все на борьбу с Деникиным! Да здравствует Советская власть! Да здравствует мировая революция!

— Ура-а-а! — недружно крикнула толпа.

Мотор взревел, автомобиль вновь окутался сизым дымом, и уехал, оставив товарища Костенко на площади.

— Товарищи! — воскликнул тот, вскарабкавшись на крыльцо управы. — Призываю вас сплотиться в борьбе за свои права! Сотни лет трудовой народ угнетался эксплуататорами разных мастей. И вот, революция смела этих паразитов. Но враг не сдаётся без боя! И поэтому нам, товарищи, предстоит крепить тыл, налаживать мирную жизнь в родном вашем Каменском, но при этом, товарищи — отдавать все нужное для фронта! Завтра выйдет декрет о трудовой мобилизации: всех, способных держать в руках лопату, отправим на рытье окопов. Победа будет за нами!

Последнее заявление толпа встретила безо всякого энтузиазма. Похоже, за истекшие годы все эти эскапады обывателям уже успели до смерти надоест.

Митинг был закончен. Комендант Костенко и его окружение скрылись в здании управы, из окон которой уже успели вывесить красные флаги. Толпа начала расходиться, обсуждая новости. И тут я увидел его — того самого разведчика, Полевого. Он выходил из дверей управы, о чем-то разговаривая с другим военным.

Глава 7

— Товарищ Полевой! — окликнул я мужчину, протискиваясь сквозь расходившихся после митинга людей.

Он обернулся, нахмурился на секунду, узнавая меня, и на его обветренном, навсегда загорелом лице мелькнула тень улыбки.

— А, Лёнька! Живой, значит! Молодец, не струсил. Ну, рассказывай, как тут у вас? Мелюзгу еврейскую не обидели?

— Да нет, сидят в шалаше, ждут, — отрапортовал я. — Только друзья вот мои... Костик тут, — я обернулся на подошедшего приятеля, который с нескрываемым любопытством разглядывал матроса, — а Гнатка... его григорьевцы при отступлении зацепили, руку повредили. В больницу пошел, к санитарам.

Полевой сочувственно хмыкнул.

— Война, брат. Бывает... Ладно, пойдём со мной. Доложимся начальству, познакомлю тебя с товарищем Костенко, чтобы не вышло, что вы зря головами своими рисковали!

Он развернулся и потянул меня за рукав обратно, в здание управы. Костик, стараясь не отставать, семенил за нами, туда-сюда поводя любопытным конопатым носиком. Тут и правда, было на что посмотреть! Внутри царила суэта: сновали туда-сюда люди с оружием, кто-то заносил внутрь ящики и кипы папок, из кабинетов доносились громкие голоса. Полевой уверенно провел нас по коридору и толкнул дверь одного из кабинетов.

За столом, заваленным какими-то картами и телефоном странного вида, сидел тот самый комендант Костенко, которого я только что видел на митинге. Он поднял на нас усталые глаза.

— Что еще, Николай?

— Товарищ Костенко! Да вот, разрешите представить, тот самый паренек, Лёня, что нам вчера так помог с разведкой на станции. Дюже поспособствовал нашему успеху! Ведь вся их оборона на станции основывалась на нескольких огневых точках. Особливо этот пулемет на башне — очень много крови бы нам попил! Ценнейшие сведения доставил нам товарищ Лёнька!

Костенко смерил меня быстрым, цепким взглядом. Встал, подошел и положил тяжелую руку мне на плечо.

— Так это ты, значит, Лёня из плавней? Слышал, слышал... Молодец! Наш человек, настоящий помощник Рабоче-Крестьянской Красной Армии! Смелый парень! Без тебя потерь было бы много больше.

Он добродушно хлопнул меня по спине.

— Вот такие хлопцы нам нужны! Молодые, красивые, пролетарского происхождения, преданные делу Революции! Подрастешь немного — в комсомол вступишь! Ух, какие дела делать будешь на благо Советской Республики!

От такой похвалы у меня даже щеки загорелись. Костик рядом смотрел на меня с восхищением и легкой завистью. Полевой усмехнулся в усы:

— Товарищ Костенко, а не стоит ли нам наградить героя?

— Стоит! А ну говори быстро, чего хошь?

— Наган наградной можно? — на автомате выдохнул я.

— Э, не! Молод еще. Сам себя и подстрелишь с того нагану, — осадил меня Полевой.

— Так, а чего там со штаниной-то у тебя? — вдруг спросил комендант.

— Да, в плавнях порвал, пока туда-сюда телепался! — пояснил я, не желая отнимать время рассказом о нашем неудачном визите в особняк инженера.

— А давай-ка ему выпишем мануфактуры! — дружески хлопнув Полевого по груди, предложил комендант. — А то что у нас хлопец будет в рваньё ходить? Григорьевцы, — пояс-

нил он мне, доверительно понижая голос, — в Одессе склады Антанты разграбили, да нагнали все в Екатеринослав. Уж там ткани разной — страсть! Так что мы теперь на мануфактуру бохатые, всю Первую Конную Армию приоденем, будет в чем Деникина встретить... Так, товарищ Полевой, садись-ка вон туда за стол, и пиши-ка распоряжение на интендантский склад, товарищу Вахрушеву!

Полевой присел, пододвинул к себе чернильницу-непроливайку, достал перо; недовольно осмотрел его носик, слегка нахмурился и взял другое: затем, подвергнув и его такому же пристальному изучению, со вздохом вернулся к первому перу и приготовился записывать.

— Подателю сего приказываю выдать... Как думаешь, в пять аршин оденут его?

— Давай уж лучше шесть, чтоб с запасом!

— Ну, пиши дальше: ...выдать семь аршин костюмного габардина! Комендант города Каменское Костенко. Написал? Вон печать, и давай мне — подпишу.

Наконец священнодействие с бумагой было окончено. Полевой вверх-вниз помахал листочком, чтобы чернила быстрее подсохли, и вручил его мне.

— На, и лучше с получением не затягивай: сегодня все есть, а завтра Москва мож приказет все в тыл выслать. Деникин наступает, всяко может случиться! И если будут на складе впаривать саржу, али сукно, не соглашайся, стой на своём: габардин, и точка!

Я взял листок, чувствуя его шершавость под пальцами. Отрез ткани! Это же связано с богатством сейчас!

— Спасибо, товарищ комендант!

Мы вышли в коридор.

— Ну вот, теперь ты у нас герой, — усмехнулся Полевой. — Я дальше с войсками пойду, а ты, ежели что — обращайся к товарищу Костенко.

— А про детей тех... помните? — решился напомнить я Полевому. — Эрлиха... Им бы родных найти!

— Помню, помню, — кивнул Полевой. — Не до них сейчас немного, но займемся. Мы их, конечно, не бросим, но и возиться некогда. Родителей надо искать.

— Та ни, их порубали! — авторитетным тоном вклинился в разговор Коська. — Я сам видал.

Матрос нахмурился.

— Может, кто из родни остался?

— Вот этого не знаем! — развел я руками

— Родню ихнюю разыщем, если живы. В крайнем случае, в Екатеринославе детдом есть.

От такого предположения сердце мое дрогнуло.

— Не хотелось бы их в детдом!

— Понятно, — помрачнел Полевой. — Ну, родственников найти — дело непростое. Сейчас знаешь, сколько их, беспризорных-то? Тут два пути. Либо в детдоме их определить, в Екатеринослав отправить. Либо... тут у вас община еврейская есть. Старший у них — некий товарищ Розенблат, кажется. Лавку держал где-то тут, на Торговой, номер дома не помню, но найдешь, спросишь. Попробуй с этим что-нибудь перетереть. Все-таки, дети ихнего роду-племени, может, пристроит как-нибудь сирот.

Он дружески хлопнул меня по плечу.

— Ладно, бывай, Лёнька. Дела. Я пока здесь. Если что — ищи меня тут или в штабе, он пока в вагоне на станции. Нам такие парни нужны. Ну и к Костенко обращайся, поможем, чем сможем. Советская власть своих не бросает!

И Полевой быстро зашагал по коридору, а мы с Костиком остались стоять, оглядываясь по сторонам.

— Отрез ткани... Здорово! — восхищенно прошептал Костик. — Вот мамка твоя обрадуется!

— Ага, — рассеянно заметил я. Мысли мои были уже далеко. Дети... Розенблат... Это все важно. Но прежде всего — дед. Что с ним? Жив ли после той мясорубки на станции? Искать его сейчас? Но где? Да и по правде, возиться со мной никому некогда. А еще...

Руки сами потянулись к карману, где лежал тяжелый, угловатый предмет. Браунинг. Трофей, добытый у очокурившегося сотника. Несмотря на скромные размеры, он здорово оттягивал карман и, пожалуй, мог быть замечен и конфискован каким-нибудь бдительным патрулем. И Костенко не поможет — он явно против того, чтобы по его городу расхаживали вооруженные двенадцатилетние подростки. К тому же, не терпелось его осмотреть, почистить, привести в порядок.

— Пошли к тебе, Костик, — подумав, произнёс я.

— Пошли! — охотно согласился Костик. — Заодно хабар поделим по-честному! И сапоги примерим!

Мы быстро дошли до его дома на косогоре. Убедившись, что Коськиных родителей нет дома (отец, видимо, еще не вернулся с завода), мы пробрались в сарайчик, где были свалены наши трофеи — хромовые сапоги, пустая фляжка и тугой бумажник. Пистолет я так и держал в кармане. Незачем Коське про него знать. Мал еще.

— Так, деньги давай сюда, — сказал я деловито, забирая у Костика бумажник. Отсчитал несколько купюр — керенок и карбованцев, протянул ему, остальное, включая экзотические франки, забрал себе. — Сделаем так: это мне, сапоги тебе, раз уж ты их снимал. Фляжка мне пригодится. Идет?

Костик засопел был, явно в стороне от раздела несправедливым, но, видимо, вспомнив о пистолете, который видел у меня мельком, спорить не стал.

— Идет, — буркнул он, торопливо пряча свою долю и примеряя сапоги. — Эх, сапоги даже велики... Ну да ладно, нехай буде на вырост!

— Хорошо. Теперь дуй к этому Розенблатту, или как там его, расскажи про этих Эрлихов. А я, Костик, пошел. Мне бы деда Мазалёва найти.

— Ага, бывай!

Костик убежал, а я побрёл было снова в сторону станции.

Станцию было не узнать. Трупы были убраны, пожары потушены, и сюда уже подходили эшелон за эшелонам, полные войск. Из теплушек прыгали бойцы, смеялись, умывались. Слышались разговоры о политике, о железнодорожных порядках, о григорьевцах, о боге, но больше всего — о продовольствии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.